25 Května 1931. **Volné Kozáctvo** Ročník IV.

81

25-го мая 1931 г. 25-го травня 1931 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый РІК ВИДАННЯ 4-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *В. Карпушкин*: *** Стих. (Verše).
2. *Д. Воротынский*: Исход. (Konec).
3. *Константин Шариков*: Весенние настроения. (Jarní nalada).
4. *Н. Нечуй-Левицкий*: Сердце матери. (Srdce matky).
5. *А. Персидсков*: Там. (Tam).
6. *С. Левченко:* Вірш. (Verše).

---

7. Пропаганда. (Propahanda).
8. *П. Кудинов*: Восстание Верхне-Донцов в 1919 г. (Povstání Vrchné-Doncov r. 1919).
9. *П. И. Кокунько*: Наше прошлое. (Naše minulé).
10. *М. Бытынськый*: Гимны. (Hymny).
11. *Ф. Воропинов:* Ледоход. (Ledy jdou).
12. *А. Литовкин:* Страничка из прошлого. (Stranka minulého).
13. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
14. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
15. В Казакии. (V Kozakii).

Почтовый ящик.

Югославия. — А. Г. — Что делать, если 24 страниц нам уже мало. К сожалению, перейти на 28 или 32 стр. еще не можем. Иногда это делаем. Помогают во многом расширению страниц нашего журнала те сотрудники, которые отказались от гонорара. Еще больше те, кто платит подписную плату, но — тоже к сожалению — не всегда платят все и не всегда платят аккуратно. Привет.

Париж. — А. Т. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Брно. — В. К. — будет помещено в следующем номере. Привет.

Швейцария. — П. З. — Получено. Привет.

Белград. — Л. К. — Получено. Привет.

Парагвай. — А. Л. — Получено. Привет.

С. Америка. — А. Н. — Получено. Привет.

Румыния. — А. Б. — Подходит. Будет напечатано. Привет.

Париж. — И. С. — Ответ будет письмом. Привет.

Болгария. — И. У. — Сообщим. Привет.

Франция. — М. Н. — Посылаем. Привет.

Болгария. — Л. А. — Присылайте.

Италия. — Н. П. — Хорошо, пошлем. Привет.

Германия. — П. Л. — Адреса п. Ященкова, к сожалению, не знаем.

Тем, кому не отвечено. Из-за болезни и перегруженности редактора не отвечено многим на их письма. Этот „пробел" будет восполнен по возможности в ближайшее время.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопље.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12. Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 58).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.

Вл. Еремеев. W. P. Wł. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski", ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B." Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 27, rue Neuport, Monplaisir-Plaine. Lyon.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Бачо-Киро, 52.

Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

Казачья честь — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья честь

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazi 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 81 *Понедельник, 25 мая, 1931 — Понеділок, 25 травня, 1931.* *№ 81*

Виктор Карпушкин.
(Брно).

***

Во саду ли кукует кукушечка,
Во зеленом саду за плетнем,
Или девица в горе, голубушка,
Слезы горькие льет по милом?!
Или мать, потерявши сыночка,
Погребальную песню поет,
От зари до зари у окошка
В дом свой сына обратно зовет?!
Нет! кукушка в саду не кукует
И девица не ронит слезу,
То наш Терек в розлуке тоскует,
Шлет нам грустную песню свою.

Сгорбил спину старик трехсотлетний,
Не под силу уж тяжесть забот,
Поседел от невзгод лихолетий,
Обессилен, в оковах живет.
Алой кровью окрасились волны —
Кровью лучших казачьих сынов,
По станицам разносятся стоны, —
Пир пируют в них орды врагов.
Наглумились уж вдоволь московские,
Заплевали наш Терек родной,
Не щадили седины отцовские,
Синий флаг заменили звездой.
Знайте ж вы, палачи добровольные,
У нас в жилах казачья кровь,
Синий цвет и малиново-желтый
Мы воздвигнем на Тереке вновь!

Д. Воротынский. (*Париж.*)

Исход.

Людочка доживала сочтенные дни.

Госпиталь, в котором она лежала, был старый, снаружи облупленный.

Такой же ветхостью смотрели и внутренние стены больших палат. Особенно печальный вид имела палата для туберкулезных, где давно лежала Людочка.

История ее жизни была самая обыкновенная. Девочкой пережила две эвакуации: Новороссийскую и Крымскую. Впрочем, эта трагедия ее мучила мало, даже иногда веселила, ведь она покидала родную землю с институтом благородных девиц, а в девичьем стане печаль не выходила так густо наружу.

В Константинополе у Людочки умерла мать. В Софии умер отец, лишь только она успела окончить институт.

После смерти отца уехала во Францию. Работала на шелковой фабрике. Но загрустила, почувствовала томление всего тела, боль в глазах.

Переехала в Париж. Попала в ресторан кельнершей, стало веселей. За ней ухаживали свои люди, засиживалась с ними до позднего часа и охотно принимала угощения. Возвращалась на рассвете, иногда полупьяная.

Стала служить в ночных кабаках, ночь превращала в день, день превращала в ночь. Никто не стоял на ее дороге, была сама себе госпожей. Никто не хотел прикоснуться к нежному сердцу молодой девушки, не было смельчака, кто бы мог очистить ее сердце от житейского тления. И Людочка падала. Появились головные боли, глубокий кашель.

Людочка слегла и те, кто загрязнили ее душу, сами отправили ее в госпиталь. Сначала друзья навещали Людочку, привозили конфекты, цветы, а няню (так называла Людочка старшую сестру своей палаты) дарили деньгами.

Болезнь углублялась и Людочку забывали. Постоянным гостем была лишь подруга по институту Августа, она приходила в госпиталь каждый праздник. Но и Августа стала бывать реже после своей свадьбы. Потеря последнего друга как-то не особенно трогала Людочку. После свадьбы Августа переменилась, ее интересовали семейные отношения, новые знакомства и то что недавно их роднило, закрылось каким-то темным и тяжелым покровом.

Еще грустней стало Людочке, когда умерла соседка по палате пожилая француженка Симон, такая же безродная, как и Людочка. Симон утешала Людочку, расспрашивала про родителей, про дом, но как только речь заходила о доме, то Людочка сейчас же умолкала, но почему Симон не знала, может быть, думала она, барышне страшно было вспоминать свой потерянный край. А Людочка умолкала вовсе не потому, ей чужда была та родина, о которой спрашивала Симон, ведь она покинула ее совсем подростком и годы бездомных скитаний повернули молодую память девичью к новой действительности.

Смутно припоминала Людочка даже родной Новочеркасск, только светлым маяком горели золотые главы редкого по красоте собора, да чудились стройные,

как статуи, раины на Московской улице. Не любила вспоминать свой институт какой-то желто-красный, обнесенный высокой каменной стеной, которая скрывала от людских взоров темный сад. И теперь, на исходе дней, не могла забыть, как одна из воспитанниц бросилась с третьего этажа на мостовую и тело ее, не долетев до земли, повисло на остроконечных столбах железной ограды. Зато любила Людочка те далекие-далекие годы, когда каникулы она проводила на хуторе Перекатном. И старый длинный дом, и молодой вишневый сад, и светло-серая церковка на взгорье, и шутник хромоногий дедушка, и маленькая бабушка и белоголовые мальчишки и девчонки, называвшие ее Лимилой, — все цвело, как первые весенние всходы.

А можно-ли забыть разлуку с бабушкой, дальнюю дорогу на степной полустанок „Кресты"! Когда под'езжали к „Крестам", то дремлющая степь окутывалась сумерками, зажигались необыкновенно яркие августовские звезды и была такая тишина, что слышно было как оставшаяся на ночь в степи скотина сопела и жевала серку.

Почти около полустанка, где дорога круто сворачивала на мощеную гать, стояла похилившаяся часовенка с медным образком, и всегда на том месте дедушка останавливался, и Людочка спрыгивала с рыдвана и клала в часовенку копеечку для Божьего странника, крестилась и тайным счастьем наполнялось ее детское сердечко...

С безутешной тоской Людочка взирала на пустую койку Симон и была очень довольна, что нет новой больной, значит люди здоровы. Лишь об одном жалела: некому причесать ее русую головку, как это всегда делала Симон.

Каждое утро смотрелась Людочка в складное зеркало и ее не поражала еще большая бесцветность лица, все было так естественно, голубые глаза спрятались глубоко-глубоко, потускнели, а под ресницами, около прямого носа, появилась какая-то необыкновенная краснота. Мучил кашель и когда сплевывала слюну, то пристально рассматривала кровь, из алой превратившуюся в белесую.

Сна не было ни ночью, ни днем, хотя по ночам не спала почти вся палата, одних душил кашель, другие говорили что-то шепотом, то громко спорили о пустяках. В такие беспокойные часы Людочка хотела видеть около себя кого-нибудь, болтать о чем угодно, только бы прогнать тяжкое одиночество.

Но дни шли за днями, сегодня, как вчера. Койка продолжала пустовать, а Людочка увядала.

Наступала осень и няня запретила открывать окна, за которыми была своя жизнь. Редкие деревья тоже чахли, как больные, на песчаных дорожках лежали мертвые листья, но они оживали и гонялись один за другим, когда завывал ветер. Желтые цветочки сворачивались, не грело их осеннее солнце.

Однажды в полдень няня сказала Людочке, что старуха Одетт, которая лежала у входа в палату полтора года на одной койке, при смерти и у Людочки мгновенно мелькнула мысль, что следующая очередь будет за ней.

Кашель усиливался, Людочка с трудом поднималась с койки и совсем не прикасалась к пище.

Няня тайком плакала, видя неизбежное своей любимицы, и когда Людочка за два дня до кончины попросила привести своего священника, то няня немедленно исполнила ее желание.

На третий день приехала Августа с мужем, но Людочка их не узнала.

А на рассвете она скончалась в тот момент, когда в окна начал хлестать холодный дождь.

Константин Шариков. *(Югославия).*

ВЕСЕННИЕ НАСТРОЕНИЯ.

Не хотя произношу я избитое это слово. Не хочу признаться самому себе, разбирая все свои поступки строго, — убеждаюсь, что я не рад весне.

Я теперь без родины, забытый Богом; трудно мне достичь моих стремлений... Чудная, у ног Твоих клонюсь я радостно и скорбно. И если ты улыбкой подаришь меня, то Божий мир мне будет праздником весенним.

Когда глаза Твои сверкнут сиянием небесным и отражением бессильного теперь, но гордого, как раньше, Дона — Бог поможет мне — я памятником вечным прославлю Край родной и с ним тебя, звезда степного небосклона.

Не знаю я, какие то таинственные нити меня связали с дорогим мне Краем, с ковыльными степями и тихими донскими куренями...

Болит душа моя при жуткой мысли: живу теперь я лишь воспоминаньем. Уходят дни мои; увижусь ли когда с родимыми степями?..

Н. Нечуй-Левицкий.

Сердце матери.

На рассвете наши части обходным движением повели наступление. Красные, несмотря на свое численное превосходство, не выдержали натиска и беспорядочно отступили. Неудачи последнего периода, повидимому, отразились на духе красной армии: ни количественный перевес, ни лучшее вооружение не могли преодолеть инерции отступлений. Зато большевицкая кровожадность увеличилась: в плен мало брали, особенно беспощадно расправляясь с пойманными казаками. Зная это, станичники дрались до последнего, предпочитая смерть пленению.

На стороне противника стойко держались одни коммунистические роты, да отряды матросов, не рассчитывая на помилование и сами не милуя... Однако, под нашим проливным огнем дрогнули и они и спешно оттянулись за балку, понеся крупные потери в людях. Мы заняли село, бывшее опорным пунктом красных. Их артиллерия продолжала стрелять по нашим наступающим цепям. Казачья конница снова начала обхватывать красное расположение. Тогда большевики увезли батареи и связь между ими и нами прервалась. Мы выиграли сражение...

Привели партию военнопленных. Угрюмые, недоверчиво-испуганные глаза смотрели на нас исподлобья... Не все, правда: один завалистый белобрысый парень не переставал улыбаться и говорил:

— Наконец то очутился среди своих... Теперь начнем драть коммунистов. Только бы винтовку получить...

Их было человек шестьдесят — разношерстное, потное и грязное человеческое стадо... Были среди них и шеголевато одетые — эти выглядели особенно растерянными...

Наш есаул, от полученной контузии еле держась на ногах, спросил:

— Коммунисты и комиссары есть между вами?

Молчание. Только еще бледнее сделались некоторые лица. Выходит улыбающийся белобрысый красноармеец и обращается к своим:

— Да что ж вы, кузькины дети, молчите то? Аль не опознают, думаете? Мы не станем за вас нести ответ... Умели пыжиться перед боем, держи грудь колесом и перед смертью... Коли ты взамделешный партеец, неча зубастой пужаться!

Из толпы выступает долговязый большевик и коротко бросает: Я! Потом второй, третий, четвертый...

— Еще есть? осведомился командир.

Молчок. Снова слышен голос белобрысого.

— А ты что же, соколик, к земле приник? обращается он к типу с землистым цветом восточного лица и остеклевшим взглядом серых, жестоких глаз. — Чай, ноги отняло? Кажись, целы...

Параличной походкой тип присоединяется к четырем смертникам...

— Больше нет? вопрошает офицер.

— Нет, ваше благородие, отвечают красноармейцы. — Мы все по мобилизации, окромя вон того паршивца, што морду поковыряную имеет. Тот пристегнулся к нам позавчерась...

Мальчуган лет 15 с изуродованной оспой, противной физиономией жмется в страхе к толпе. В оспенных ямках столько грязи, что ее можно конским скребком соскребать...

— Доброволец? холодно спрашивает офицер, держась рукой за контуженную голову.

— Доброволец, несмело отвечает подросток.

— А сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Много людей загубил?

Молчок.

— Что тебя побудило, гаденыш, идти к красным?

Молчит, только глаза бегают, как у собаки, над которой занесена палка для удара...

Командир распоряжается отправить пленных в штаб полка за исключением пяти коммунистов...

— Что же мне делать с тобой, грязный змееныш? обращается он к мальчугану без злобы. — А, ну тебя к свиньям! Глуп еще, авось поумнеешь... Пойдешь вместе с партией.

Несколько красноармейцев просят:

— Господин офицер, разрешите остаться. Дайте нам только оружие и увидите, как мы начнем крестить красных иродов... Обобрали до рубашки, а потом погнали нас против вас...

— В штабе, братцы, заявите об этом. Я не волен вас принять...

— Эй, ты, рябчик, шевелись! смеялись красноармейцы, толкая добровольца.

—Знать, одурел от радости... Спасибо скажи, да Господа поблагодари, што в комунию тебя не потянуло...

Точно пойманный волченок, ни на кого не глядя, мальчуган вмешался в толпу. Офицер написал донесение в полк и хотел уже отправить пленных под конвоем в штаб, когда у ворот произошло какое то движение.

— Чево тебе, тетка? спрашивал караульный.

— Сынка мово, говорят, полонили...

Ну, и што, што полонили. С пленными разговаривать не полагаетца...

— Пусти, родимый, к ахвицеру вашему. Слово ему имею сказать...

Командир приказал пустить бабу.

— Тебе что, мать? устало спросил он.

Уже пожилая крестьянка с измученным, желтым лицом, хриплым голосом проговорила:

— Дослышалась, што сын мой к вам попал...

— Не бойся, мать, ему ничего не сделают, успокаивает ее офицер. — Оно бы по правилу, нужно было его расстрелять, да чорт с ним... Авось с него получится еще человек... Тебе бы, мать, следовало всыпать, что плохо его учила...

— Офицерику-соколику, я вас прошу...

Командир нетерпеливо отмахнулся:

— Да ты, мать, не проси. Твоего сына я направляю в штаб. Коли не расстреляли здесь, будет жив...

— Я вас прошу, паночку, расстреляйте его... Повесьте его, собаку, на самой высокой ветке! Господь вам заплатит, если вы не выпустите живым этого выродка, клянчила женщина, хватая руки офицера.

Тот совершенно растерялся, думая, что имеет дело с сумасшедшей.

— Как, мать, ты хочешь, чтобы твой сын был растрелян? с крайним изумлением спросил он, наконец.

— Эге, хочу. Пусть проклятый ублюдок не поскудит Божий свет... Это не мой, а чортов сын!

Глаза ее горели страшной ненавистью и губы искривились в терпкую гримассу. У офицера лицо выражало сплошное недоумение.

... Отца застрелил, батюшку убил... сестру родную с красноармейцами обесчестил... Меня так побил, что на глаза не вижу... Пусть сгинет собака... Расстреляйте, расстреляйте, я вас прошу, истерически причитала баба.

— Привести сюда добровольца! приказал офицер.

Отцеубийцу привели.

— У-у, окаянный антихрист, дьявол рябой... Смерть, смерть ему, душегубу! забилась в судорогах мать, завидя сына.

— Ты зачем убил отца? строго спросил командир, все еще думая, что баба обвинила подростка в припадке помешательства.

— Он был кулак... Меня заставлял работать от белого ранку до поздней ночи...

— А батюшку?

— Товарищи говорили, что попы — враги свободы...

Обвинения полностью подтвердились, обвинения в преступлениях настолько страшных, что даже смерть не могла искупить их...

Когда в балке грянули выстрелы, баба вся просветлела и с какой то демонической радостью несколько раз повторила:

— Без покаяния пропал... Собаке собачья смерть...

Алексей Персидсков.
(*Братислава*).

ТАМ.

Где Дон ласкается к прибрежным кручам,
Где на весне цветут лазорево луга,
Где степь окутал аромат пахучий,
Там в солнце радужном купается Цымла.
Где раньше слышен был победный конский топот,
Где в воздухе свистели тучи стрел,
Где приглушен был русскими ковыльный шопот,
Там крепко в землю врос Саркелл.
Где виноградников раскинулись границы,
Где меж Славянами и Азией легла межа,
Где зеленеют в займище казачии станицы, —
Царит над степью Белая Вежа.

С. Левченко. *(Польща).*

ЯК БЛИСНУТЬ БЛИСКАВКИ.

Як блиснуть блискавки ребелій,
Ножі посвятить буревій, —
На герць повстанемо веселі,
Аннали впишемо нові.

Залізні створим леґіони:
Для пострaху північних орд,
На зустріч білих фараонів,
Як і червоних сталь когорт!

О, вже тепер на герць спартанців, —
Шалених лицарів мети, —
Тепер весь Край встряхнуть повстанці,
Весь Край від вибуху взлетить!

Пропаганда.

I.

Пропагандой можно бы назвать распространение известным образом идей; целью всякой пропаганды есть внушение этих идей в возможно большем круге людской массы. Пропаганда, таким образом, по отношению к идее является как бы ее проводником, по которому идея распространяется, расширяется, рассасывается в массе людских коллективов, влияет на человеческую психику, формирует в ней известные понятия, возбуждает соответствующие чувства и стимулирует к действию волю. Благодаря таким особенностям пропаганды — возбуждать к реагированию человеческую душу, будить в ней отклик и направлять известным способом волевые импульсы — идея (через этот свой проводник) воплощается в жизнь, становится действующей силой, как бы реализируется в действии. Вот почему всякая идея, рождающаяся в жизнь, ищет необходимого своего проводника, через который она может получить распространение и войти в силу: без этого проводника-пропаганды всякая идея — мертва и недействительна. Живая идея и пропаганда связаны всегда неразрывно, — вот почему все моральной ценности идеи, которые осуществились в жизни, прошли тот или иной путь своего воплощения, называемый пропагандой.

Способ передачи идей в людские массы официально назван был пропагандой в средние века, когда с благословения пап католический орден Иезуитов основал специальный центр, имевший целью распространение христианства среди язычников: центр этот, выработавший свою специальную систему проповеди христианских идей среди иноверных народов, получил название „пропаганды". С того времени и распространение всех иных идей стало называться пропагандой.

Всякая идея, как известно, возникает (рождается) или из предыдущих идей или самостоятельно; затем она через пропаганду растет, развивается, расширяется, углубляется и укрепляется в массах, пока не овладеет ими и не станет им совершенно привычной. Таким образом, история эволюции идей есть вместе с тем и историей пропаганды, и сама пропаганда вследствие этого представляет из себя нормальное явление всеобщего жизненного механизма, явление историческое. Пропаганда не есть нечто искусственное, навязанное жизни, а есть часть самой жизни — элемент, обуславливающий жизнь идей. С другой стороны, поскольку деятельность пропаганды и ее проявление отзывается в людских массах, как в материале, который она проникает и обрабатывает, пропаганду можно еще рассматривать, как известный род отношений между людьми и в этом смысле она имеет свое социологическое основание. Суть же пропаганды вытекает из психологических особенностей как отдельных индивидуумов, так и массовых людских коллективов; в зависимости от этих свойств и особенностей и пропаганда получает то или иное содержание, ту или иную окраску.

В общих чертах всякая пропаганда базируется и на тех общих свойствах людской и массовой психологии, которые представляют собой в жизни повседневность и, как универсальный закон, проникают и отражают собою состояние и деятельность всех человеческих обществ. Нас в данном случае занимает воздействие пропаганды на массовую психику, поэтому коснемся вкратце главных основных законов людской массовой психологии.

Человеческая масса, как материал, подвергающийся воздействию извне, обладает двумя важными свойствами, к которым по необходимости должна примениться каждая пропаганда; это — психологическая инерция массы и возбудимость ее. Всякая новая мысль, всякое общественное течение, всякая новая идея, при попытке проникнуть в людскую массу, натыкаются на ее естественный отпор, вызываемый психологической инерцией массы; людской коллектив в данном случае — как бы какой отяжелевший массив — не легко поддается смещению со своих точек опоры и требуется всегда значительное усилие со стороны, чтобы преодолеть этот отпор. Точками опоры, на которых покоится инерция массовой психики, есть, в большинстве случаев, закоренелость старых идей, понятий и предрассудков; привычка к старым и знакомым порядкам и боязнь незнакомой новизны; неспособность охватить что-либо новое сразу во всем его об'еме и, вследствие этого, непонятность новизны, неосязательность идеи.

Если бы психическая инерция массы была совершенно непреодолима или исключительно одною собою заполняла человеческую жизнь, то никакой бы прогресс, никакая эволюция человечества не была бы возможна, более того — вообще не существовало бы никакой сознательной духовной жизни человечества и оно никогда не вышло бы из состояния животного, управляемого одними инстинктами и грубыми психическими рефлексами.

Но, к счастью для человечества, массы людских индивидуумов, наряду со способностью к статическому состоянию, к психологической инерции, обладают еще способностью и к проявлению динамики, способностью к большой психологической возбудимости. Точками приложения сил, вызывающих в людской психике возбудимость и активную реакцию есть удивление перед всякой новизной и, вследствие этого, задерживание на ней своего внимания.

Всякое новое явление, мысль, идея — при прикосновении к человеческому сознанию — вызывают реакцию, заключающуюся в первом акте удивления и внимания; этот акт тянет за собой целую сеть следующих, вытекающих последовательно один из другого и складывающих-

ся в один общий комплекс психической возбудимости. Удивление пробуждает интерес узнать новое, вызывает стремление к знакомству с ним, овладению им посредством познания (отсюда и вытекает такая непреодолимая жажда знания вообще). Таким образом, как видим, в человеческой душе уживаются и борются между собою две великих силы — инерция и возбудимость; помимо всех прочих причин, вызвать их к активности способны и идеи; идеи эти, в зависимости уже от своих собственных сил, напряжения, интенсивности, полноты и глубины, могут склонить победу в ту или иную сторону.

И пропаганда, проводя в сознание масс какую либо идею, всегда должна учитывать действие вышеозначенных психических сил и применительно к ним пользоваться специальным оружием, могущим устоять против инерции, преодолеть ее, вызвать к активности массовую возбудимость, а через нее достичь поставленной себе цели. Одним из главнейших орудий воздействия на массу является для пропаганды психологическая сила суггестии, внушения, которою пропаганда во всех случаях наиболее широко и пользуется. Имея постоянно задачей привести к возбудимости всю полноту человеческих душевных сил — сознание, чувство и волю, пропаганда и пользуется всеми видами суггестии — логической, чувственной и волевой, комбинируя их различным способом. Логической суггестией пользуется пропаганда чаще всего в тех случаях, когда нужно внедрить в сознание массы логическую (умственную) схему новой идеи, ознакомить с ее содержанием и об'емом, привить новые понятия, или в тех случаях, когда нужно искоренить старые идеи и понятия. В этих случаях используется логика (наука о мышлении); на основании ее законов складываются доказательства, формулируются тезисы и антитезисы, заключения синтезируются в лозунги. Главной задачей суггестии является вскрыть внутреннюю суть самой идеи, сделать ее ясной, понятной и знакомой массе через аппарат мышления, через разум. Значит, в этом случае пропаганда пользуется логической суггестией, как способом воздействия на массу посредством ее же разума.

Не в меньшей мере пропаганда имеет целью подействовать на чувство и волю массы, поэтому с таким же вниманием использует она и все те способы, которые могут создать массе известное настроение, возбудить в ней сильные психологические аффекты: энтузиазм, сочувствие, сострадание или отвращение и негодование, гордость и чувство достоинства или унижения, даже, при необходимости, страх и подавленность. Для активизации чувств пропаганда уже меньше пользуется логикой и более риторическими приемами — описательными картинами, различными поэтическими фигурами, чаще всего аналогиями, сравнениями, гиперболами, восклицаниями.

Для оживления и вызова к действию у массы волевых импульсов пропаганда, в зависимости от условий, пользуется комбинацией первых двух способов возбудимости, усиливая их влияние демонстрацией необходимого ей действия или подготовки к нему, широко применяя пример, влекущий за собой подражание. В сущности, пропагандой наичаще употребляются первые два способа воздействия на людскую массу — способ логической суггестии и способ влияния на чувства, ибо через них наиболее верно внедряются в массу идеи. Последний способ — суггестии волевой — употребляется уже после предыдущей подготовки или в том случае, когда необходима уже реализация идеи.

Помимо перечисленных, пропаганда всегда использует еще два вида суггестии — суггестию времени (повторение) и суггестию пространства (расширение). Эти суггестии влияют на успешное усвоение новых понятий, идей и явлений в том слысле, что чем больше и чаще какое либо явление или утверждение повторяются, тем более они становятся знакомыми и легче приемлемыми; и чем шире пространственный круг их проявления, тем интенсивнее влияют они на способность восприятия их.

В зависимости от характера и содержания идей, пропаганда делится на множество видов. Из них главнейшие: пропаганда религиозная — проповедь догматов и культа каждой веры; пропаганда научная — распространение научных теорий, гипотез, постулатов и философских систем; пропаганда художественная — знакомство с различными направлениями в искусстве; пропаганда политическая и патриотическая — внушение любви и уважения (иногда и страха) к родному народу и стране, знакомство с ними и воспитание патриотических чувств среди своих и дружеских чувств среди чужих, и пр. и пр. Нас в данном случае наиболее занимает пропаганда патриотическая, поэтому мы на ней более подробно и остановимся.

Всякая пропаганда для достижения успеха применяет технические способы воздействия на массу и отдельные личности, которые по характеру соприкосновения с людским материалом можно бы разделить на посредственные и непосредственные. К способам пропаганды посредственным относятся: печать — книги, брошюры, журналы, газеты, листовки, летучки и пр.; плакаты, рисунки, выставки картин и др. предметов; музыка. К непосредственным способам пропаганды относятся: частные и публичные разговоры, лекции, чтения, выступления на собраниях, песни, демонстрации, танцы, игры, забавы, спорт (напр. джигитовка).

В зависимости от условий обстановки, времени, места и жизненных требований, пропаганда бывает оборонительной и наступательной. Обронительная пропаганда имеет целью не только противостоять враждебной пропаганде, но в ее задачу входит — и в большой степени — также разбить, разложить, уничтожить неприятельскую пропаганду, вызвать у массы недоверие и отвращение к проводимым ею идеям. Практически, оборонительная пропаганда для этого сводится к употреблению всех тех способов, которые могут дискредитировать

и разрушать неприятельские идеи, подмечать и обнаруживать логические ошибки в их утверждениях, сбивать чужие тезисы своими антитезисами, критиковать несостоятельность неприятельских лозунгов, уличать противников в преднамеренной лжи и сознательном обмане, вскрывать его истинные намерения и стремления, указывать и критиковать все вражеские ошибки, ослаблять влияние его побед, дискредитировать чужих вождей, высмеивать и разбивать все способы, употребляемые неприятельской пропагандой. Оборонительная пропаганда, понятно, имеет место лишь при наличии враждебной контрпропаганды.

Пропаганда наступательная возможна и при активной неприятельской контр пропаганде и при пассивном состоянии массы, опирающейся на психологическую инерцию, вследствие глубокого укоренения в психике людей старых каких-либо идей, вредных понятий и привычек. Наступательная пропаганда имеет целью внедрить и утвердить в сознании масс свои идеи, внушить к ним полное доверие и добиться их приемлемости. Для этого она пользуется способами, достигающими совершенно противоположного эффекта тому, который вызывается по отношению к враждебной пропаганде. Наступательная пропаганда стремится утвердить господство проводимой ею идеи, а потому должна умело и в полной мере использовать все те приемы, которые могут обеспечить ей успех. Она должна стараться логически обосновать и доказать свои положительные утверждения, выводить ясные, точные и понятные заключения; действовать с одинаковой силой и на представление и на выразительные лозунги; ясно указывать на цели борьбы; внушать к ней воодушевление; возбуждать готовность на жертвы; знакомить с планами и стремлениями вождей, популяризировать их личность, восхвалять и отмечать собственные победы и сглаживать неприятные впечатления от поражений; отмечать все свои ценности и достижения, вселять непреклонную веру в торжество своей идеи, борьбы и стремлений.

Согласно с территорией, с местом действия, политическая пропаганда бывает еще внутренней и внешней. И та и другая в одинаковой степени стараются распространять свою деятельность среди друзей, нейтральных и противников.

Внутренняя пропаганда ставит себе задачи распространять проводимые ею идеи и утверждать их господство среди родного народа и в границах родной земли или государства. Пропаганда внешняя исполняет те же задачи заграницей, в среде чужих народов. Среди друзей и нейтральных интенсивнее обыкновенного и чаще ведется пропаганда наступательная, против противников — оборонительная, а для достижения большего эффекта, в случае надобности, эти два вида пропаганды комбинируются.

Павел Кудинов.

Восстание Верхне-Донцов в 1919 году.

(Исторический очерк).

(Продолжение).

Гл. V.

Восставшие верхне-донцы формировались с большой поспешностью в отряды, группы и с не меньшей поспешностью бросались на фронт с целью закрепить плацдарм, на котором можно было бы удерживать наступающие части красных и тем обеспечить планомерное комплектование восставшей армии. Восставшая Казачья армия, окруженная огненным кольцом красной армии, не имела тыла, а только фронт, и вот, на этом то рубеже Казачьей Земли происходил страшный поединок двух армий, двух народов; красная армия, окрыленная призраком грядущего рая и порывом — сокрушать, подчинять и властвовать, разрушала все, что ей было доступно, а восставшие казаки на все те зверства, опустошения и захватничество отвечали отпором, кровью отстаивая свою казачью землю.

Красный штаб, встревоженный уничтожением частей особого назначения и занятием восставшими главных коммуникационных линий, применил систему переговоров, рассчитывая комедией братания выиграть время, чтобы подтянуть ближайшие части и тогда кровавым террором задушить непокорный и независимый казачий народ.

Как было сказано выше, восставшие казаки формировались в отряды, группы и пр., которые действовали самостоятельно в одном определенном, выбранном ими самими направлении, отчего часто случалось, что одна часть отказывалась помочь другой, оправдываясь тем, что на ее участке также неспокойно, а потому дать какую-либо помощь она не может. Таким образом, восставшая часть, оказавшаяся под ударом сильнейшего противника и оставшаяся без своевременной поддержки, откатывалась назад, подставляя этим тыл соседних частей под удар красных, что влекло за собой отступление и этих частей. Красные к тому же не дремали: с каждым днем подходили все новые и новые части.

Продолжать борьбу разрозненными действиями отдельных отрядов означало бы непременно понести поражение в ближайшем будущем. Необходимо было в самый кратчайший срок свести отряды в крупные боевые единицы и сосредоточить управление ими в руках одного лица. Но, не желая нарушать при этом принципа выборного начала, я разослал телефонограмму по всем действующим частям следующего содержания:

„7 марта 1919 г. Стан. Вешенская. Ко всем действующим отрядам восставших казаков. Братья казаки! Мы окружены со всех сторон сильнейшим врагом; борьба отдельными отрядами без своевременной поддержки и взаимной выручки в бою приведет нас к неизбежному поражению и сраму. Чтобы не быть разбитыми, необходимо вверить общее командование восставшей армией одному лицу. Вашей волей требуется избрать себе командующего, которому вы, с сознанием воина, должны доверить свою жизнь. Ответ об избрании телефонограммой к 12 часам 8 февраля.

Начальник военного отд. П. Кудинов."

К вечеру 8 марта были получены ответы на эту телефонограмму, по которым я единогласно избирался на ответственный пост командующего всеми восставшими частями.

Уполномоченный голосом и доверием восставших казаков, я, приказом по войскам В.-Донского округа № 1, от 10 марта 1919 г., все действующие части свел в пять конных дивизий и одну конную бригаду, назначил начальников дивизий, командира бригады и распределил участки фронта.

В то время, когда происходила переорганизация восставших, красные сосредоточили в районе станиц — Букановской и Слащевской 1-й Московский революционный пехотный полк в 4000 шт., 5-й Заамурский кон. полк в 800 шашек, две батареи, одна из которых гаубичная, и повели наступление на стан. Еланскую, с конечной целью овладеть стан. Вешенской с востока. 13 марта красные после краткого боя овладели стан. Еланской, отбросив 5-ю дивизию восставших частью на север, а частью на сев.-запад; последняя, оказывая упорное сопротивление, укрепилась по реке Еланке, (хут. Красноярск., Еланск. стан.), правым флангом доходя до р. Дона.

Красные, укрепившись на северной окраине станицы Еланской и, пользуясь перевозочными средствами через р. Дон, установили связь с частями особого назначения, которые одновременно вели наступление правым берегом Дона с целью овладеть правобережными хуторами до станицы Вешенской, отбросив бригаду на юг. Того же 13 марта на участке 3-й и 4-й дивизий со стороны сл. Солонки ст. и н. Криуши, Петропавловка, Бычек, Погорелово появились значительные части красных в составе 4-го Кронштадского матросского пехотного полка в 1800 штыков, одной бригады курсантов в 3000 штыков, двух карательных отрядов в 900 шт., выделенных из VIII армии, одной крестьянской дружины 600 шт., всего в общей численности — 6,300 бойцов, при трех батареях и 40 пулеметах, которые вели наступление на хутор Шумилин, станицу Казанскую, с целью овладеть Вешенской с запада и, базируясь на плацдарме последней, раз'единить армию восставших и уничтожить ее по частям.

Движение 12-ти тысячного отряда красных нисколько не смущало дух восставших, которые ожидали последний как военный транспорт, за счет которого можно было бы вооружиться. В вооружении восставшие имели огромный недостаток.

Учитывая силы наступающего противника, я был занят одним острым вопросом; откуда и как можно дать помощь своим частям, стоящим перед во много раз превосходящим численно и хорошо вооруженным врагом?

Большую опасность представлял Дон (в марте месяце), который разделял восставших на две действующие группы: I-я группа — 1 кон. дивизия под командою хорунжего Ермакова, 2-я кон. дивизия под командой сотника Меркулова и 1-я кон. бригада под командою подхорунжего Богатырева. II-я группа — 3-я кон. дивизия — есаул Егоров, 4-я кон. дивизия — подхор. Медведев и 5-я кон. дивизия — хорунжий Ушаков.

Как видно, главные силы красных сосредоточились на левобережном участке, рассчитывая на верный успех. Река же Дон — прекрасное естественное прикрытие, в данном случае осложняла положение и не давала возможности свободного маневра, т. к. лед был настолько слабый, что не было возможности пробраться по нем и одиночному пешему.

Красные палили из пушек, пулеметов и винтовок, засыпая свинцом молчаливые цепи восставших. В минуты затишья они выходили из окопов и, злорадствуя, кричали: „Сдавайтесь, казаки, а то посадим вас на красные штыки! Ведь у вас нет патронов!“ На это восставшие отвечали: „Есть у вас — будут и у нас!“

Атмосфера на фронте сгущалась. Красные наседали на всех участках, исключая 1 и 2 див., где происходила частичная перестрелка сторожевых охранений. Два дня — 13 и 14 марта дивизии успешно отбивали атаки красных. Накануне 14 марта приказано было: Командиру I-й бригады при поддержке одного полка и двух пушек от 1-й дивизии во чтобы то ни стало разбить правобережную группу красных, овладев обрывком переправы и громить красных, занимающих станицу Еланскую с тылу.

В 8 часов утра 14 марта бригада восставших, после непродолжительного боя, разбила красных, заняла переправу и тот час же открыла огонь по красным, расположенным в стан. Еланской. Красные, оказавшиеся в треугольнике, перешли от наступления к обороне. В 2 часа дня 14 марта я прибыл на фронт к станице Еланской и приказал командирам 1-го Вешенского и 1-го Еланского полков приготовиться к конной атаке. Ровно в 3 часа дня 1000 конных и 200 пеших бойцов, пользуясь рельефом местности, построились в боевой порядок в ожидании команды. Подан сигнал... Сверкнули на солнце стальные клинки и тысяча всадников с жуть наводящим „Ги-и-и!“ понеслась на красных. Затарахтели пулеметы, забухали пушки, засвистели частые пули врага, снаряды взрывали землю, выбрасывая облака серого дыму, но ничто не останавливало несущуюся конницу Верхне-Донцов. Увлекая передовых, воодушевляя слабых духом, наряду с бойцами я делил участь атаки. Две конные сотни, пробравшись по густой роще, которая была залита водой, выступившей из берегов Дона, обрушились на левый фланг противника. Красные, обращенные в бегство, укрывались по садам, огородам и дворам. Разбитый 1-й Московский революционный полк разбегался в разные стороны. 5-й Заамурский конный полк, убегая, чтобы не быть отрезанным от ст. Букановской, бежал через р. Хопер. К вечеру станица Еланская была занята восставшими, где взято 7 пулеметов, много винтовок, пленных и другой военной добычи.

На утро 15 марта 5 дивизия продолжала преследование противника и заняла станицу Букановскую.

В тот же день 15 марта, красные, потерпев поражение на востоке, перешли в яростное наступление с с.-запада на участке 3-й и 4-й дивизий; черные цепи кронштадтских матросов и курсантов особого назначения покрыли седую поверхность казачьей степи. Восставшие казаки, боясь появления броневых автомобилей, которые благодаря раскисшим пашням могли двигаться только по дорогам, повырыли на последних ямы и замаскировали их.

Слобода Березняги Вор. губернии, которая расположена вблизи донской границы, тоже восстала против красных, выставив 800 шт. при 8 пулеметах, которые отдельным пешим полком вошли в состав 4-й дивизии. Красные, развивая интенсивный огонь на участке 4-й дивизии, в то же время атаковали 3-ю дивизию. 3-я дивизия, отбивая атаки и переходя в контр атаку, теснила правый фланг красных на север. К 11 часам дня на помощь 4-й дивизии подошел Дударевский конный полк; к 12 часам дня красные центр своего удара перенесли на участок 4-й дивизии, введя в бой подошедшую Калачевскую пехотную дружину. Начальник 4-й пехотной дивизии, учитывая превосходящие силы красных, оставил на всем участке своей дивизии Шумилинский и Березнягинский пехотные полки и Дударевский конный полк со всеми пулеметами и пушками, а сам, со всей конницей обошел сев. сл. Солонка и обрушился на левый фланг красных; комиссары, избегая поражения, метались по фронту, воодушевляя солдат.

Конница восставших (свыше тысячи шашек), уничтожая красных с фланга, грозила и с тылу. Матросы и курсанты застыли в черной грязи наших пашень. Пехота восставших, пользуясь замешательством красных бросилась в атаку. Конница же наша, уничтожая красных с фланга, с криками „ура!“ и „ги!“ пробиралась все вперед и вперед.

Один из комиссаров вдруг остановился и крикнул: „Товарищи, спасайся!„ и сам бросился бежать в тыл. Густые цепи матросов, курсантов и народной дружины бросились за ним в бегство, но липкая и тягучая черноземная грязь липла к обуви и заставляла их спасаться ползком. Налетевшая конница и подошедшая пехота безжалостно громили матросов, курсантов и голытьбу с Калача, ворвавшихся на чужую землю и забравшихся в чужие хутора. К вечеру 15 марта остатки разбитого противника бежали в Криушу и дальше, оставив на поле сражения 1,600 пленных. до 700 трупов убитыми и ранеными, 38 пулеметов. 5 орудий, винтовки и пр. Потерпев поражение на обеих ударных пунктах,

красные поняли, что имеют дело не с мятежом непокорных шаек, а с восстанием всего населения округа.

Опасаясь продвижения восставших по тылам, красные ударные группы, подкрепленные подошедшими частями 8-й советской армии, сосредоточились на участке 1-й и 2-й дивизий и конной бригады. Красное экспедиционное командование, приписывая свое поражение случайности, бросалось с одного фронта на другой.

18 марта красные атаковали всю правобережную полосу, а главное 2-ю дивизию; 2-я дивизия, не имея ни пушек, ни пулеметов, ни патронов, под давлением превосходящих числом сил красных, вынуждена была оставить хутора Мешков, Тиховской, Варварин и Камышин, заняв позицию на высотах х.х. Колодезного и Фролова. Красные, заняв станицу Мигулинскую и прикрываясь правым берегом р. Дона, овладели х. Меркуловым (Вешенск. ст.). К вечеру того же числа 1-я дивизия и бригада отбросили красных на линию — Усть-Хоперская, х. Большой, Пронин, сл. Каменка, по р. Кривая, Чир, до хут. Наполов. 19 марта 2-я дивизия при поддержке одного конного полка высланного от 1-й дивизии атаковала красных и, отбросив их к х. Сетракову, захватила 400 пленных, 2 пушки и 7 пулеметов.

(*Продолжение следует*).

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

Веселость охватывает всех, переходит в толпу и смех, шутки, всевозможные остроты слышатся отовсюду, как из рога изобилия, подымая выше и без того веселое настроение толпы. Остроумные и шутники состязаются в своем искустве.

Наибольшее число шуток и острот отпускалось по адресу хлопців. Ни одна заминка, ни одна неаккуратность, ни один случай, свидетельствующий о неловкости или неумении всадника обращаться с лошадью, не проходил даром. Не обходилось и без инциндентов. Выскочит, например, какой-нибудь парень и никак не может нагнать лошадь на изгородь, — лошадь либо относит в сторону, либо остановится перед изгородью и не решается прыгнуть через нее. Парень теряет терпение и начинает колотить ногами бока лошади, но ничего не помогает.

Казак, почти старик, подзывает к себе возвратившегося с неудачного заезда парня.

— Злізай с коня, давай його сюда!

Парень с недоумением, но беспрекословно исполняет приказание и подводит свою лошадь, видя около старика стоящую свою мать. Осмотрев внимательно седловку, старик садится на коня и в'езжает в очередь парубків. Все, конечно, сторонятся и дают ему место. Почувствовав твердую руку всадника и получив несколько ударов плети, лошадь с места в карьер пускается прямо на препятствие.

— Ого-го-го! От так парубок! раздаются возгласы в толпе.

— Ач, роспустив сіді вуси, так прямо на лісу і чеше! хто це такий?

— Та хто-ж другий, як не Микола Ступак, хіба старий витерпить?

Лошадь Ступака, прискакав к препятствию, почувствовав свободный повод, стрелой перемахнула изгородь. Восторг общий.

— От так козак! За молодого справиться. Ще за цю зиму десяток вовків загнав. У його й кожух з вовків і укривається вовками, а все пліттю та собаками добув, стрілять, каже, не годиться шкурку згубиш.

А Ступак, возвратившись обратно, подозвал хлопця и обратился к нему, слезая с лошади:

— На, хлопче, сідай зараз, та й скакай прямо на лісу, та тільки перед нею не бий коня, а повід зовсім отпусти. На, біжи!

Хлопець сів на коня, помчался на препятствие и благополучно взял его. Обрадованная мать обратилась к Ступаку с благодарностью:

— Спасибі тобі, що повчив, а то страмота одна.

— Та як-же. Я-ж бо бачу, що хлопець не тямить. Як би батько був живий, царство йому небесне, то повчив би, а то нікому. Бачу, що вдовиченко — бабська вихова... А старий добрий був козак, його при мені вбито.

— Ступак подозвал хлопца и дал ему гривеник.

— Ну, на тобі за храбрость, та купи бубликів, або чого хочеш.

— Спасибі вам! — отозвалась мать. Зайшли б коли-небудь до мене, може найшлась яка небудь би й чарка горілки...

— Спасибі, як небудь зайду. Своїх нема, так чужими тішиться буду. Був один, так ухлопали. Мене Бог хранив, так сина вбили. Що-ж робить, така наша козацька доля. Всі під Богом ходимо. Кому що написано, того не минеш... Ну, прощавайте. Піду ще послухаю, що там біля правленія балакають.

После этих скачек, начинались скачки уже настоящих парубків. Эти выезжали уже в полном военном вооружении и с пиками, так как от них требовалось не только наездничество, но и умение владеть оружием. По прямой линии выставлялся ряд фигур, намеченных для рубки и уколов, между которыми ставились барьеры и живая изгородь. Фигуры располагались обыкновенно так: вначале для укола пикой чучело, за ним следовал барьер, затем хворост для рубки и за ним глина или мяч для укола шашкой, затем живая изгородь и стоячая фигура для стрельбы из ружья или пистолета, наконец, лист бумаги, или кусок холста, или лежачая фигура для стрельбы из пистолета или ружья.

Участники этой скачки делали также три заезда, первый для действия пикой, второй — шашкой и третий огнестрельным оружием. Пикой разрешалось действовать по всем фигурам, по которым находил удобным всадник; шашкой также; из ружья и пистолета предоставлялось стрелять по боковым целям и из того оружия, которое он находил удобным, но непременно по обеим фигурам. Осечка ставилась в вину всаднику, как свидетельство о том, что был плохо пригнан кремень, или забыл насыпать порох на полку, либо же плохо прочищено оружие и забилась затравка.

Для обслуживания при этих упражнениях привлекались, обыкновенно, хлопці старшего возраста, лет 13-14. Они наблюдали за барьером и прочими фигурами, поправляя, что нужно. Свои обязанности эти хлопці исполняли с особенным рвением и усердием, воображая себя не последней спицей в колеснице и гордились перед сверстниками.

На эти упражнения публика реагировала более деловито и сдержанно, хотя, разумеется, не пропускала случая подострить над неудачником или одобрить успех. Особенно смех и остроты вызывал развал глины или дерна пикой и восторг, когда чучело для стрельбы, обмотанное соломой, загоралось. Для этого употреблялась некоторая хитрость: во-первых, в солому вплетались комки сухого сена, как легче воспламеняющийся материал, а во-вторых, в пыжи завертывались головки серных спичек или серников.

Самая трудная задача выпадала на долю „молодиків", т. е. очередных для наряда на кордоны и в строевые части казаков. Она заключалась не только в умении владеть оружием, в целесообразности употребления того или другого оружия, но и в проверке выучки лошадей, так как они выезжали на тех лошадях, на которых выезжали и на службу. С этой целью фигуры, служащие для упражнения, не ставились по одной линии, но в разброд по площади, чередуясь с препятствиями с тем, чтобы всаднику приходилось несколько раз менять направление на скаку и действовать различным оружием в один заезд. Упражнения этого отдела служили как бы проверочными в подготовке казаков и счи-

тались настолько важными, что всегда ставились в конце скачек с тем, чтобы дать возможность присутствовать на них и тем, которые участвовали на станичном сборе. На нем присутствовали также и все должностные лица станичного правления, со станичным атаманом во главе. Эти упражнения затруднялись еще и тем, что для рубки ставились заместо хвороста связки камышевых стеблей, начиная от двух-трех и к концу заезда доходя до 10-12. Такие пучки перерубить шашкой труднее, чем хворостину. Осложнялись эти упражнения и тем, что по соседним дворам иногда посылались молодики, предназначенные в пешие части, в секреты по прилежащим к площади дворам; секреты эти должны были стрелять по приближающемуся к ним всаднику, который на это должен был быстро выхватить ружье из чехла и ответить выстрелом. Считалось большим недостатком, если секрет не успевал дать выстрел по всаднику. Это ставилось в вину секрету, так же, как и всаднику, если он не успевал ответить выстрелом на выстрел секрета. Зато отличившемуся во всех этих упражнениях предстояло большое торжество, когда станичный атаман по окончании скачек подзывал его к себе и подносил ему чарку водки, брал другую себе и поздравлял с успехом, приблизительно следующими словами: „Ну, спасибі тобі, хлопче! Дай Боже, щоб воно тобі прийшло на щастя, щоб як женишся, то й діти були таки, як ти сам". Общее ура публики было ответом на это приветствие.

Случалось так, что трудно было определить наиболее отличившегося и в таком случае вызывались все лучшие, сколько бы их ни было и всех атаман поздравлял, прибавляя в таком случае: „Ого-го! сьогодня повезло, ну, та дай Бог, ще більше, як би і всіх прийшлось частувать, то ще лучче, а горілки хватить, обчество не поскупиться. А же-ж правда? обращался к станичникам атаман.

Так заканчивалась эта, так сказать, официальная часть скачек. После этого площадь очищалась от всех фигур для упражнений и публика старалась сделать по возможности больший простор, теснясь к окраинам площади. Начиналась так называемая вольная джигитовка. В ней смешивались все возрасты, участвовавшие в предыдущих скачках. Случалось, что и особенные любители, вроде упомянутого выше Ступака, не выдерживали характера и пускались в состязание с молодежью, вызывая шутки и подымая общее веселое настроение. Это было своего рода дивертисменом и каждый выделывал, что хотел — и группами, и в одиночку, при непременном условии не мешать другим участникам, для чего все-таки наблюдалась известная очередь. Были вооруженные, были и совсем безоружные, — кто как находил для себя удобнее для тех примеров, которые он намерен был проделать.

Это было упражнение в чистом наездничестве; скакали в одиночку, парами и группами, смотря потому, кто что умел делать. Шло состязание в ловкости, смелости и лихости езды, скакали стоя, скакали сидя задом наперед, скакали держась вверх ногами, скакали два на лошади и пр.; одним словом, проделывал каждый то, что Бог ему на душу положит.

Публика различно относилась к этого рода упражнениям. Молодежь, увлеченная спортом, с восторгом встречала успех и хохотом неудачу. Старые казаки во всяком упражнении прежде всего искали целесообразности и они отрицательно относились ко всему тому, что не могло бы иметь практического значения.

Постепенно толпа редеет. Едут домой и участники скачек. Но бывают и такие, которых матерям или батькам приходилось силой тянуть домой.

(Продолжение следует).

М. Бытынськый.

Гимны.

(Окончание).

Гимны государственные принадлежат к неот'емлемым и необходимым аттрибутам государственности. Гимны национальные у народов огосударствленных обыкновенно сливаются с государственным и составляют один гимн; у тех же народов, которые своей собственной государственности еще не достигли и живут под властью чужой державы, наряду с чужим государственным гимном существует еще и свой собственный, национальный, народный гимн, нередко даже гонимый и преследуемый официальной властью, как это было до недавнего времени в бывш. России с гимнами покоренных ею народов — поляков, украинцев, литовцев и др. Признавая за более нормальное такое явление, когда гимны национальные и государственные сливаются вместе, составляют один гимн, служащий выражением духа нации и одновременно являющийся аттрибутом или символом ее государственности, мы и занимаемся здесь рассмотрением таких национально-государственных гимнов.

Все существующие современные национально-государственные гимны можно по характеру их содержания разделить на четыре группы.*) К первому типу принадлежат такие гимны, в которых фигурирует главным образом особа короля, царя, князя, императора — это гимны монархические, сохранившие за собой, как было уже упомянуто, наиболее древнюю молитвенную форму. Почти все они даже начинаются с призыва к Богу: „Боже, храни короля..." и т. д. Для примера приведем текст английского королевского гимна, являющегося классическим образцом такого рода гимнов:

„Боже, спаси нашего благородного короля. Боже, спаси нашего милостивого короля. Боже, спаси его!

Пошли ему победы, и счастье, и удачу, и пусть долгим будет его царствование.

О, Боже, восстань на его врагов, разруши их козни, спутай их лукавые планы — на Тебя мы уповаем, спаси короля!"**)

Ко второй группе относятся гимны демократические, где особу монарха заступает уже красота, мощь и слава родной земли или какие-либо восхваляемые особенности и достоинства данного народа. Соответственно подчеркиванию в таких гимнах того или иного характера, так сказать статического или динамического момента, и гимны этой группы можно поделить на три типа. 1. Гимны восхваляющие свою страну в ее природной красе и особенностях. 2. Гимны, выражающие какую либо выдающуюся особенность психики данного народа, его морального или исторического состояния; такие гимны восхваляют или самый народ или его историческое прошлое (опираясь на какой либо кульминационный момент из истории; обыкновенно на момент освободительной борьбы) или выражают глубокую веру и вселяют убеждение в грядущую славу, мощь и благополучие. 3. К третьему типу относились бы гимны смешанного характера, т. е. такие, в которых бы два первых типа смешались в одно целое.

С точки зрения оценки всех типов гимнов второй группы по литературному содержанию, надо признать, что слабее всех по выражению экспрессии чувства и воли есть первый тип гимнов, воспевающих землю, страну в ее природных особенностях. Красота, богатство и прочие природные ценности земли, как бы велики они не были и какую бы глубокую любовь к себе не вызывали, не могут все же возбудить в душе максимально экспрессивного настроения. Любовь к неживому, случайному, данному нам возможно даже без

*) Музыкальной стороны гимнов здесь мы не касаемся.

**) Перевод г-жи М. Ф. Славинской.

участия людской воли всегда склонна более к пассивности, к тихому созерцанию; глубина такой любви скорее всего может проявиться в сентиментальной грусти, тоске или в благоговении к родине, но мало способно возбудить агрессивно-восторженное настроение. Связь человека с мертвой землей все же менее тесна и крепка, чем связь с душами близких людей, хотя бы они были уже и умершими; их мысли, их чувства и действия преодолевают пространство, время и как будто невидимый какой то флюид, непосредственно вникают в душу, стимулируя ее к живому отзыву. Ассоциации в представлениях, воспоминаниях о мертвом, ограниченном и о живом, неограниченном не одинаковой устойчивости и силы, ибо во втором случае они обладают большею моральною ценностью. Таким образом и гимны, заключающие в себе статический момент в описании земли или любви к ней, обладают меньшей силой вызывать у слушателей полную экспрессию восторга и воли, чем гимны, насыщенные постоянной динамикой живого чувства собственного достоинства, или — динамикой какого либо логического ли, морального ли императива.

К такого рода гимнам и относятся как раз гимны второго и третьего типа. В таких гимнах обыкновенно воспевается слава и заветы предков, упоминаются иногда наиболее яркие моменты борьбы, самое же главное — выражается всегда твердая неуклонная воля к борьбе за свободу и готовность отстоять свое достоинство. И чем ярче и сильнее выражена вся эта динамика духа в гимне, тем более со стороны содержания он считается совершенным. Образцом такого полного выражения наивысшего сознания собственного достоинства может служить припев английского неофициального национального гимна, употребляющегося наравне с гимном государственным официальным (королевским). Каждая стихотворная строфа этого гимна оканчивается рефреном (припевом):

Никогда, никогда, никогда
Англичанин не будет рабом.

Эти слова являются выражением наивысшего сознания собственного достоинства и верхом национальной гордости английского народа.

Не менее выразительным и красивым образом таких динамических гимнов, полных экспрессии вдохновения, восторга и осознанного глубоко достоинства и гордости, является американский гимн. Гимн этот воспевает моменты из американской освободительной войны, ставшей началом свободы, мощи и славы американского народа; гимн этот одновременно является и заветом предков к охранению, добытой ими свободы. Вот начало и конец его.

1.

Видишь ли ты в бледном свете зари то, что так гордо приветствовали мы вчера — наше знамя? Ярко сияли его звезды средь гибельной битвы, широко алели его полосы над стенами крепости. И красное пламя снарядов и дикие разрывы бомб всю ночь говорили о том, что оно здесь, с нами. Скажи, развевается ли еще усеянное звездами знамя над страной свободы, над жилищами храбрецов?

. . . . . .

4.

Так будет всегда, пока вольные люди будут стоять на страже своих домов. Победа благословит их, ибо дело их — правое, и все упования их — на Бога.

И оттого усеянное звездами знамя будет победно развеваться над страной свободных, над жилищами храбрецов.*)

Такие гимны, если к тому еще их огненный текст бывает соединен и с соответствующей музыкой, действительно способны вызвать максимальное торжественное настроение, глубокий восторг или сильное напряжение воли. К числу таких, особенно удачных гимнов относится французский республиканский гимн Марсельеза. Гимн этот настолько полон гармонического, литературного и музыкального могучего, гордого, победного, глубокого воодушевления, что, без всякого сомнения, может быть назван классическим образцом всех гимнов такого рода и ему справедливо может быть отведено первое место среди всех гимнов всех народов вообще. И не даром, действительно, по образцу Марсельезы составлялись и многие прочие государственные республиканские и национальные гимны; и не даром в подражание ей творились революционные песни. Создана Марсельеза во время великой французской революции, во время полного и наивысшего осознания французами себя нацией, в момент наибольшего напряжения народной воли в борьбе с тиранией. И это напряжение мощи французского духа и гордости с такой полной силой отпечаталось в Марсельезе, что и до сего времени и в тексте ее и в музыке звучит, как живое. Вот текст Марсельезы:

1.

Вперед, сыны родины! Настал день нашей славы. Кровавое знамя тирании поднято против нас. Слышите в поле яростный рев вражеских солдат? Они идут, чтобы вырвать у вас из рук ваших жен, ваших детей. К оружию, граждане, формируйте баталионы и вперед! Пусть кровь нечистая оросит борозды наших полей.

2.

Что нужно ей — этой своре рабов предателей и королей-заговорщиков? Для кого куются эти цепи, эти гнусные оковы? Для нас, французы — о, какое оскорбление! Они осмеливаются мечтать о том, чтобы обратить нас в рабов, как в древности — мы им дадим ответ. Припев: К оружию... и т. д.

3.

Что такое? Иностранные войска должны у нас блюсти закон! Эти фаланги насильников должны поразить наших доблестных воинов. Боже великий! мы склоним головы под ярмом и подлые деспоты станут господами нашей судьбы. Припев: К оружию...

4.

Бойтесь, тираны, и вы, вероломные нечестивцы, всех партий — дрожите, ибо ваши смертоносные планы наконец получат достойный ответ. Для борьбы с вами всякий — солдат. И если в этой борьбе падут наши молодые герои, то земля родит новых, готовых биться с вами. Припев: К оружию...

5.

Французы! Как истые рыцари, наносите и задерживайте удары. Щадите тех несчастных, которые против своей воли пошли на нас. Но кровожадные деспоты и эти сообщники Буйе, все эти звери, которые без жалости терзают грудь своей матери!... Припев: К оружию...

6.

Святая любовь к родине, будь нам опорой, направляй нашу мстящую руку! Свобода, о, возлюбленная Свобода, вступи в ряды твоих защитников. Пусть на твой клич придет победа под наши знамена и пусть твои враги, умирая, видят твой триумф и нашу славу. Припев: К оружию...*)

Автором Марсельезы был инженер-поэт, офицер страстбургского гарнизона Руже де Лиль. Сочинена Марсельеза в 1792 г. История ее в кратце такова: мер города Дитрих, устраивал у себя вечер в ночь перед уходом рейнской армии и предложил присутствующим составить военную песнь для волонтеров. Руже де Лиль обещал исполнить желание мера, отправился немедленно к передовым боевым линиям и пробыл всю ночь среди грома пушек и ружей, воодушевляясь канонадой. По возвращении домой, взялся за виолончель, одновременно подбирая и подыскивая слова и аккорды. На следующий день его военный гимн был исполнен перед войсками и бесчисленное множество раз был повторен народом, волонтерами и солдатами. Позже этот гимн усвоен был в г. Марсели, откуда революционными баталионами перенесен был и в Париж. По имени города Марселя гимн и получил свое название „Марсельеза". Марсель-

*) Текст в переводе г-жи М. Ф. Славинской.

*) Перевод г-жи М. Ф. Славинской.

еза была с энтузиазмом принята парижанами и быстро распространилась не только среди французских войск, но и в народе, становясь таким образом национальным гимном Франции. Позже утверждена была Марсельеза и как государственный французский гимн.

Из приведенных примеров гимнов можно уже вывести заключение, каким условиям должен удовлетворять гимн, чтобы он был хорошим. Народы и государства в действительности к вопросу о своих гимнах относятся с таким же большим вниманием, как и к вопросам о гербе, флаге и прочих высших символах и аттрибутах. Известно, например, что новосозданное недавно государство Ватикан вскоре же после утверждения у себя герба и флага, занялось гимном. Папа Пий XI принял в специальной аудиэнции известного итальянского композитора Масканьи и предложил ему составить для Ватикана гимн; а в совсем уже недавние дни Испанская и Каталонская республики точно так же проявили большое старание о новом республиканском гимне и привлекли к этой цели выдающиеся литературные и музыкальные силы. Не все, правда, народы сочиняют для себя специально гимн. Некоторые из них, как это видно на примерах нововосстановленных после мировой войны государств, возвели в степень гимна некоторые свои выдающиеся традиционные песни, имевшие во времена неволи революционный характер и употреблявшиеся неофициально в качестве народного гимна. Особенно ярким примером таких гимнов могут служить современные гимны Польши, Чехии, Украины и Дона. Такие гимны, не специально сочиненные, являются как бы переводными из песен традиционных, любимых и особенно популярных в народе. Но несомненно, что при оценке таких гимнов, как со стороны содержания, так и музыки, к ним нужно прилагать тот же критерий, что и при оценке гимнов специально сочиненных. И надо признаться, что гимны, переведенные из песен, в большинстве случаев менее удовлетворительны и слабее тех гимнов, которые сочиняются намеренно и, следовательно, более сознательно применяются к необходимым условиям и требованиям.

Переходя, наконец, к оценке близких уже нам казачьим гимнов, следует заметить, что и они не вполне удовлетворяют всем условиям совершенного гимна. Казачьих государственных гимнов пока можно считать — два: Донской гимн, утвержденный законом В. Круга в 1918 г. и кубанскую войсковую песнь, хотя законом, как гимн, и не утвержденную, но употребляющуюся неофициально в качестве гимна, т. е. при соблюдении известных почестей.

Донской современный гимн переведен из военной донской песни, составленной в 1855 году во время севастопольской войны; текст этой песни был насыщен руссофильским и монархическим духом, потому то после об'явления Дона самостоятельным государством-республикой, текст песни при возведении ее в степень гимна был соответственно изменен и переделан. Текст Донского гимна следующий:

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв свободы он.
Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив,
И с простора долетая
Вольный слышится призыв.
Дон детей своих сзывает
В Круг державный войсковой,
Атамана выбирает
Всенародною душой.
В боевое грозно время
В память дедов и отцов
Вновь свободным стало племя
Возродившихся Донцов.
Слався, Дон, и в наши годы!
В память вольной старины
В час невзгоды честь свободы
Отстоят твои сыны.

Донской гимн можно отнести, согласно тексту, к третьему типу второй группы гимнов, к типу смешанному, ибо в нем достаточно заметен статический элемент [как в описании земли (2-я строфа: зеленеет степь...) так и в описании волевых действий (3-я строфа и 1-я строфы)]. Подлинная динамика чувствуется только с 4-ой строфы и достигает своей наибольшей силы в строфе пятой. В последних заключительных словах гимна слышатся уже слова осознанной народной гордости и как бы императивного завета.

Несравненно слабее насыщена динамикой кубанская войсковая песня:

Ты, Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдоль и в ширь.
Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны,
Бьем челом тебе, родимая,
Твои верные сыны.
О тебе здесь вспоминаючи,
Дружно песню мы споем
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом.
О тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,
На врага, на басурманина
Мы идем на смертный бой.
О тебе здесь вспоминаючи,
За тебя ль не постоять?
За твою ли славу старую
Жизнь свою ли не отдать?
Мы, как дань свою покорную,
От прославленных знамен
Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон.

Песня это сложена на турецком фронте в 1915 году казаком-священником 1-го кавказского полка Григорием Образцовым и поднесена была наказному атаману всех казачьих войск бывш. наследнику престола Алексею. Песня эта прекрасно выражает тоску казаков на чужбине по любимой родной земле, полна воспоминаний про отцовский дом, станицу, даже славу старую и прославленные знамена. Элемент статический, правда, подчеркнут лишь в первой стофе воспевающей реку Кубань; дальнейшие строфы выражают как будто даже какое то действие, как будто даже динамику, но, к сожалению, как раз эта динамика отрицательного свойства, динамика не экспрессивная, возбуждающая к напряжению волю, пробуждающая бодрость и силу, а, наоборот, динамика психологически разлагающая, депрессивная, как вообще всякое чувство тоски. Экспрессии вообще в этой песне нет, и даже слова, относящиеся к воспоминанию о славе и о жертве жизнью за нее, вследствие того, что к ним применена вопросительная форма (За тебя ль не постоять?... Жизнь свою ли не отдать?), не уравновешенная положительным ответом, звучат нерешительно и не убедительно, что совершенно недопустимо в гимне. Помимо этого, введение в гимн кубанский таких слов, как „из далеких стран полуденных, из турецкой стороны"... и „о тебе здесь вспоминаючи" — слова, которые бы в гимне так несуразно путали время и место; делают невозможным исполнение гимна на самой Кубани. Вследствие всех этих качеств, войсковая песня Кубани (как всякая песня вообще, свободная от требований гимнографии) никоим образом не может претендовать на кубанский гимн или хотя бы даже песню, употребляющуюся в значении гимна. Песня эта не утверждена, как гимн, и законом, так, что за ней может оставаться лишь ее природное песенное значение. Кубань обладает таким прекрасным историческим прошлым и такими прекрасными качествами казачьего народа, в большинстве потомков запорожцев, вечно сияющей славой своей могущих стимулировать постоянное сознание гордости и достоинства кубанцев, что все это может дать очень благодарный материал для составления выразительного динамического гимна, действительно достойного Кубани.

Подходя, наконец, к вопросу о государственном гимне Казакии, гимне всеказачьем, необходимо отметить, что создание такого гимна может идти по одному

из указанных ниже путей (как и создание государственного герба Казакии. См. В. К. № 70: О гербе и флаге Казакии): путем ли соединения гимнов отдельных казачеств (в целом или по частям) в один общий гимн; путем ли создания совершенно нового, единого для всей казачьей федерации гимна.

Первый способ составления государственного гимна Казакии из отдельных гимнов Казачьих Земель, в данном случае совершенно не возможен. Во-первых, гимн пришлось бы комбинировать из с е м и отдельных гимнов; если до некоторой степени легко об'единить их музыкально введением, скажем, специальной связи, то далеко труднее об'единить все эти гимны текстуально, связав воедино различные содержания. Во-вторых, такой соединенный гимн был бы очень длинен и неудобен был бы в исполнении. Обыкновенно, в длинных гимнах исполняются лишь первая и вторая или первая и последняя строфы; остальные строфы для сокращения опускаются. В однородном гимне это легко допускается; употребление же такого приема в гимне сложном вызывало бы то неудобство, что исполнялись бы части не всех краевых гимнов и тем нарушалось бы их формальное равенство. Главное же затруднение создания такого гимна для Казакии заключается в том, что большинство казачеств не обладает еще своими отдельными гимнами. Официально существует лишь Донской гимн; Кубань имеет войсковую песню, равную будто бы неофициально гимну (и к тому же невозможную для перевода в гимн); остальные казачества пока еще своих собственных гимнов не имеют. Следовательно если отсутствуют части, то невозможно создать и целое, потому то над созданием такого сложного гимна было бы лишним и трудиться.

Остается, таким образом, второй способ: создание единого, общего, всеказачьего гимна, который должен бы быть утвержден законом, как государственный гимн Казакии и определены место, время и случаи его официального употребления. К работе над таким гимном должны бы быть привлечены наилучшие литературные и музыкальные силы из среды казачества конкурсом или специальным заказом проэктов. Несомненно, что раньше должен бы быть написан текст (либретто) гимна, а потом музыка к гимну, как обыкновенно и делается, если исключена возможность предоставить работать поэту и музыканту-композитору совместно или, что было бы еще лучше, вручить создание гимна поэту-композитору в одной особе. Главное, что нужно постоянно иметь в виду авторам гимна, это — гармоническое соединение содержания с формой; лишь при исполнении этого условия можно ожидать от гимна истинно художественной ценности. Для текстуального содержания гимна можно использовать широко богатую прекрасную историю Казачества; его особенности, как воинственного степного народа; стремление к свободе; воспеть борьбу Казачества; заветы свободолюбивых предков; обозначить лозунги Казачества и пр. Умелое использование всего этого материала должно подсказать каждому автору его личная индивидуальная интуиция в зависимости от его собственной способности и силы прочувствовать дух Казачества и отозваться на его проявления. Форма в стиле, ритме и музыкальности выражения должна строго соответствовать содержанию. Вообще же надо помнить, что гимн должен быть краток, лаконичен и динамичен как в тексте, так и в музыке.

От ред. Мы предлагаем казачьим поэтам попробовать свои силы и написать слова (проэкты) для гимнов: Казакии (теперь мог бы быть об'явлен гимном Вольного Казачества) и отдельных Казачьих Земель — Кубанский, Терский, Яицкий и др.

Если бы эта часть задачи была решена успешно, редакция „В. К." взяла бы на себя предложить потом некоторым композиторам положить предложенные проэкты гимнов и на музыку.

Ф. Воропинов.

Ледоход.*)

II.

В своем докладе ст. Тульцев заявил, что „мы обязаны выработать свою новую идеологию", организоваться, как единое общественно-политическое целое, наметить наиболее краткие и ясные пути для достижения основной нашей цели, выработать тактику. Все это — вопросы, из которых один больше другого. Легко сказать — выработать свою новую идеологию. Но ведь это значит, что необходимо все свое общественно-политическое мировоззрение пересмотреть в совершенно иной плоскости, с совершенно иной отправной точки зрения, чем та, с которой до сих пор — вольно или невольно, сознательно или по внушению — мы рассматривали и оценивали все явления текущей общественно-политической жизни, переоценить все привычные ценности, создать новые идеи и привести их в систему в соответствии с новой основной целью наших стремлений. Такие задачи у других народов решались чаще всего усилиями нескольких поколений.

Понятно, что и мы не можем составлять тут какого-либо особого исключения, не смотря даже на ряд весьма благоприятных условий, созданных нашей историей в период до подчинения России. Смешно было бы думать, что найдется среди нас такой герой или пророк, который в готовом и безукоризненном виде приподнесет нам решения всех стоящих перед нами вопросов. Не по силам такая задача и отдельным сравнительно небольшим группам общественных и политических деятелей. Их решения без постоянной и живой проверки в широких народных массах несомненно страдали бы сухопарой рассудочностью и книжностью, тем, что называют теоритичностью. Роль интеллигенции здесь, по-моему, в том, чтобы ясно определить перспективу, наметить основные вехи, создать костяк; и если народные массы дадут ему плоть и кровь, такой политический организм будет и живым, и жизнеспособным. Только так создаваемая идеология отразит в себе действительные и живые стремления народа и станет его идеологией, ибо политические идеи — не религиозные догмы, созданные и преподанные стаду пасомых отцами церкви. Словом, дело создания новой политической идеологии и применения ее для живой и активной практической политики — огромное и чрезвычайно сложное дело, при осуществлении которого никто не может и не должен считать себя всезнающим и непогрешимым. Все мы можем во многих случаях ошибаться и видеть ошибки других. Но обсуждение и исправление этих ошибок может помочь много на этом пути.

Подходя именно с этой точки зрения к тому, что было высказано на парижском собрании, мне хотелось бы остановить внимание читателей нашего журнала на некоторых вопросах, поднятых или затронутых на нем. Вот, например, большой вопрос идеологического характера.

Один из ораторов „предостерегает казаков от проведения деления по линии — казачья старшина и рядовое казачество. Ошибка считать, что казачья старшина всегда тянула в сторону Москвы, а рядовое казачество всегда было поборником казачьих прав. Это неверно. В истории были примеры..." Положение это, по-моему, ошибочно. То же, что оно высказано в такой категорической форме предостережения, делает его даже вредным, так как в таком виде оно пригнетает мысль аудитории, а не будит ее, как это должно быть у нас.

Делить или не делить казачество на старшину-помещиков, хлеборобскую массу, ремесленников, рабочих

*) От редакции: статья эте помещается в дискуссионном порядке.

и купцов и промышленников — это совершенно не зависит от нашего желания или воли. Казачество, как и всякий иной народ, представляет собою гражданское общество и, как таковое, по общим для всех народов законам социально-экономической жизни разделено на отдельные социальные группы с тех пор, как началось разделение общественного труда. Более того, каждая такая социальная группа, — сословие или класс, — имеет свои особые экономические интересы, которые ее об'единяют внутри и помимо ее сознательной воли противопоставляют другим социальным группам. Стоит только сопоставить помещика-землевладельца и крестьянина-земледельца, купца и потребителя, фабриканта и рабочего, как без дальних раз'яснений станет ясно, что экономические интересы каждой из этих пар диаметрально противоположны: интерес землевладельца в том, чтобы свою землю сдать в аренду, как только можно, дороже, тогда как земледелец стремится заарендовать ее возможно дешевле; интерес фабриканта в том, чтобы сырье у производителя купить дешевле, рабочему заплатить меньше и заставить его работать дольше, а свой фабрикат продать тому же производителю подороже, и т. д. Словом, своя рубашка ближе к телу, каждый заботится прежде всего о том, чтобы ему было хорошо, а другие де пусть о себе позаботятся. В общенародном труде каждый стремится работать и поменьше, и полегче, а при распределении общенародного дохода получить побольше.

До недавнего прошлого государственная власть повсеместно находилась в руках дворянства. Пользуясь ею и в своих узко-сословных корыстных интересах, оно не постеснялось повсеместно проделать то, что проделала наша старшина, как только низвела Круг до декоративного обычая и захватила в свои руки власть: расхитить и прибрать к своим рукам основное общенародное богатство — землю. Не допуская к организации другие сословия, дворянство, однако, общественно организовало себя.

С дальнейшим развитием средств и орудий производства и, вследствие этого, всего народного хозяйства, по мере дальнейшего разделения общественного труда возникли и развились новые классы общества — торгово-промышленный или буржуазный и рабочий. Власть капитала оказалась сильнее власти дворянства, и после ряда революций у руля государственного аппарата, вместо дворянства, в подавляющем большинстве государств Европы оказалась буржуазия. Организованная экономически и политически банками, трестами и партиями, она, конечно, также использует государственный аппарат в своих классовых интересах, поскольку другие классы не противодействуют или не могут противодействовать ей.

Согласимся с большевиками, что в России у руля государственной власти стоит рабочий класс, который, по утверждению социал-демократов и тех же большевиков, призван уничтожить классовую борьбу и сами классы общества, уничтожить эксплоатацию человека человеком. Они строят социализм и коммунизм и утверждают, что освободят человечество чуть не от всех зол. Но улита едет, когда-то будет, а может и не будет. А между тем, что мы имеем в действительности, в настоящий момент? При всей скудости и тяжести жизни в большевицком раю рабочий класс, по сравнению с другими группами, находится в привилегированном положении и живет все же лучше других, и вся тяжесть их сумасшедше-сумбурного эксперимента лежит на плечах крестьянства. Они так же, как и дворянство в свое время и буржуазия, обещают остальным рай в будущем, а сами сейчас живут, как им хочется.

Словом, в зависимости не от нашего желания или воли, а от стадии развития хозяйства того или иного народа и от самой сущности человеческой природы в большей или меньшей степени, скрыто или открыто, с локаутами и забастовками или без них, но борьба классов внутри каждого народа идет непрерывно. При этом в выигрыше оказываются прежде всего сильные и богатые, наиболее развитые культурно и общественно организованные. Точно также слабые экономически с наибольшим успехом защищают себя в тех странах, где они наиболее сознательны, профессионально и политически лучше организованы. Положение, например, германского или английского рабочего несомненно лучше, чем положение румынского или болгарского, хотя и тот и другой выполняют у себя на родине одни и те же функции общественного труда.

Мысли эти не являются ни новыми или оригинальными, ни принадлежащими какому либо одному социально-политическому направлению, — социалистическому, например, или либеральному. Это — общие, исходные факты и положения современной социологии, — науки о строении, жизни и развитии человеческого общества.

Следовательно, вопроса о том, следует или не следует делить казачество „по линии — старшина и рядовые казаки“ или, говоря общее, на сословия или классы даже и ставить нельзя, ибо это — факт, и при том существующий не со вчерашнего дня, а по меньшей мере с начала XVII в.*). Речь может идти лишь о том, полезно ли нам, с точки зрения нашей будушей цели, закрывать глаза на этот факт, делать вид, что мы его не замечаем, или наоборот, уделить ему столько внимания, сколько он заслуживает его в действительности? И если прав докладчик, ст Тульцев, в своем утверждении, что „мы должны уметь отличать друзей от врагов“, — а он несомненно прав в этом, — то двух мнений на этот счет у нас не может быть: такой вопрос, решение которого дает нам возможность определять и друзей своих, и недругов, должен стоять в центре нашего внимания. В статьях „Корень расхождений“ и „Роль интеллигенции“ в №№ 76 и 77 нашего журнала вопрос о старшине с этой стороны освещен, пожалуй, достаточно ясно.

Если бы мы согласились с „предостережением“, сделанным на парижском собрании, это значило бы, что в вопросах социальных мы стали на путь непредрешенства подобно тому, как это делают правые, монархические, круги русской эмиграции в вопросе о форме будущего государственного устройства России. Но это ведь — лишь тактический маневр тех, кто не может открыто заявить о своих действительных намерениях и стремлениях из боязни оттолкнуть от себя народные массы, которые в фазе вооруженной борьбы только и решают ее успех в ту или другую сторону, и тех, кто думают, что при определившемся исходе борьбы „конституция должна быть в основном написана не политическими болтунами, а шпагами победителей“. При этом они исходят из того в сущности правильного представления, что подавляющее большинство офицерства, особенно его направляющие верхи, — их защитники, их, так сказать, классовая гвардия. Командование добровольческой армии, — Алексеев, Деникин, Романовский, — в момент, когда то или иное отношение народной массы к ним немедленно решало участь всего их движения, пошло даже дальше, на прямой и сознательный обман: в апреле 1918 в печатной декларации публично заявило, что цель его борьбы — всенародное учредительное собрание, а уже после взятия Екатеринодара, с августа того же 1918 г., всякого „учредиловца“ открыто считало „врагом государственности и порядка“ и с явной симпатией заговорило о „хозяине земли русской“.

Нам же нет абсолютно никаких оснований становиться на путь непредрешенства ни в вопросе будущего политического бытия казачества, ни в вопросе о форме будущего государственного устройства Казачьих Земель, ни в вопросах социально-экономических. Более того, непредрешенство прямо вредно для нашего движения, во-первых, потому, что народные массы никого и никогда не обманывали в своих стремлениях и не обманут, но сами всегда были обманываемы, и впредь могут быть обмануты, если не проявят на этот счет особой бдительности, и, во-вторых, потому, что народные массы легче всего могут быть организованы только на основе простых, ясных и точно формули-

*) Тем, у кого еще существуют на этот счет какие либо сомнения, настойчиво рекомендую прочитать главы XX, XXI, XXV, и XXVI книги Сватикова „Россия и Дон“.

рованных лозунгов, не допускающих никаких кривотолкований, когда наступит момент, так сказать, платежа по этим векселям. Для того, чтобы привлечь на свою сторону землевладельческую старшину, можем ли мы обещать или полуобещать, что будет восстановлено ее „священное“ право на конфискованные у нее земли, с тем, чтобы в момент оплаты такого векселя сказать, что она, собственно, „не совсем правильно поняла“ такое обещание? Не можем, ибо мы смогли бы перехитрить только самих себя и обмануть народ. Наши основные лозунги:

1. Казачьи Земли должны раз навсегда освободиться от российской опеки и образовать независимое союзное государство;

2. Казакия — федеративная республика, основанная на началах подлинного, прадедовского, до-Разиновского народоправства;

3. на пользование национальными богатствами никто не может претендовать в большей степени, чем все.

Пусть может быть лишь меньшая, даже незначительная часть старшины сознательно и открыто отрешится от своих сословных интересов и решительно, без всяких оговорок, станет под знамя общенародных или народно-трудовых лозунгов; пусть остальная старшина отойдет от нашего движения и организуется на своей платформе, и в этом будет наш несомненный выигрыш, ибо тогда мы будем точно знать, кто наши противники и каковы они. Скрытый враг опаснее открытого, да еще находящийся в тылу. Если бы истинные политические физиономии гг. Богаевских, Филимоновых, Мельниковых и прочих им подобных были вскрыты своевременно, они не украли бы народного доверия и не принесли бы столько вреда, сколько они принесли и продолжают приносить.

Фактически положение нашей старшины, как это показано в статье „Корень расхождений“, таково, что ее интересы, как сословия в целом, толкают в сторону России; только при поддержке русского дворянства она с успехом может защищать свои интересы против народных казачьих низов. Поэтому она против казачьей самостийности. Теоритически же вполне мыслимо допущение, что при некотором стечении обстоятельств и она может стать самостийной и стремиться к образованию независимого казачьего государства.

Что же касается торгово-промышленного класса, то правильное понимание им своих интересов несомненно должно привести его к самостийным позициям.

Таким образом может случиться, что уже в недалеком будущем защитниками казачьего сепаратизма окажутся не только хлеборобские массы казачества и их интеллигенция, но и другие социальные группы нашего народа. Но следует ли отсюда, что все сторонники защиты независимости из разных социальных групп должны смешаться в одной, общей для всех, первичной организации?

На первый взгляд кажется, что так и должно быть, что иначе и быть не может. При более же внимательном рассмотрении этого сложного вопроса мы тем не менее видим, что это далеко не так.

Решая вопросы будущего, мы обязаны, по-моему, всякий раз оглянуться на наше прошлое и посмотреть, нет ли там соответствующего опыта, не дало ли оно нам подходящего урока. В данном случае кое-что мы можем извлечь из опыта прошлого. „Ведь мы же все казаки“! — говорят иногда. Да, но ведь и дворяне наши (старшина) все были казаками, и тем не менее, побуждаемые своими сословными интересами, они не остановились перед тем, чтобы с помощью Москвы действовать против своего народа, обезличили Войсковой Круг, захватили власть в свои руки и, пользуясь ею, расхитили войсковые земли, завели крепостных и даже казаков пытались закрепостить. При этом, как это ни парадоксально, они были убеждены или, во всяком случае, других старались убедить, что действуют они в общеказачьих интересах. Это показывает, что отдельные социальные группы общенародные задачи видят через очки, окрашенные в цвета своих собственных интересов.

Что значило бы при таких условиях смешать в одной первичной политической организации, преследующей общую для всех цель образования своего независимого государства, людей разных социальных групп, стоящих на разных социальных платформах? Во-первых, — то, что каждый из ее членов подходил бы к решению всех повседневных задач, вытекающих из основной, с точки зрения своей социальной платформы, так как то или иное решение данной текущей задачи может подготовлять благоприятную или, наоборот, неблагоприятную обстановку для осуществления ею социальной платформы. Это, в свою очередь, неминуемо должно вызывать постоянные и неразрешимые в рамках первичной организации споры чуть не по каждому вопросу текущей деятельности и, таким образом, привести ее в состояние хронического паралича. Но так как, в-третьих, все должны быть убеждены, что организовались они для того, чтобы действовать, а не вести бесплодную болтовню и бесконечные ненужные споры, всилу необходимости начнется „политика“ внутри организации, начнутся всякого рода „тактические“ ходы и обходы друг друга. И само собою ясно, что обойденным в такой „тонкой“ игре окажется все тот же хлебороб, а не дворянин, или купец, обладающие и солидным образованием, и большим общим развитием, и общественно-политической опытностью и ловкостью. Хлебороб же в конечном счете распылит свои силы по чужим группировкам и превратится, таким образом, в средство в чужих руках для достижения может быть даже враждебных ему целей. Бригада полк. Буряка, опираясь на которую Покровский разгромил Кубанскую Раду, состояла ведь из кубанских и при том черноморских полков, которые более линейных склонны были к самостийной идеологии. Этот урок оплачен слишком дорогою ценою, чтобы не забывать о нем.

Таким образом, смешение в одной первичной организации людей разных социальных групп создает возможность для того, чтобы группы более сильные культурно, политически и экономически, навязали защиту своих интересов группам менее культурным и более слабым экономически. Следовательно, такое смешение выгодно для культурных, но малочисленных сословий, и прямо вредно для тех, чья сила — главным образом в их численности. Вот почему либеральные партии повсеместно в Европе так упорно и до сих пор держатся за принцип „всенародности“ политических организаций. И с другой стороны, интересы рабочих получили защиту только с тех пор, как возникли не только профессиональные союзы, но и особые, чисто рабочие политические партии. На истории рабочего движения в Европе нам, стоящим на платформе хлеборобских масс, следует многому учиться.

Задача освобождения Казачества, восстановления им своей государственности и образования им союзного государства есть общенациональная наша задача, которая должна быть общей для всех социальных групп нашего народа, — хлеборобства, старшины, торгово-промышленного класса, а в будущем — и рабочих. Должна быть общей. Однако, как мы видели раньше, наша старшина (дворянство) в большинстве против нее, в то время как для хлеборобства прямой интерес в том, чтобы добиваться ее осуществления во что бы то ни стало. Но даже и в том случае, если бы все наши сословия совершенно определенно стояли на точке зрения самостийности, эта задача наиболее успешно могла бы разрешаться *не в первичной общей политической организации, а в общенациональном союзе независимости, состоящем из первичных организаций каждой социальной группы в отдельности*. Только в таком случае никто никого не будет разлагать и дезорганизовать или путаться в ногах и не будет возможности (или шансов для этой возможности), чтобы одна социальная группа использовала другую в своих видах и интересах. Другими словами, — только при таких условиях хлеборобство не будет вытаскивать из огня каштаны для других и наиболее успешно обеспечит возможность защиты своих интересов в будущем, как и в настоящем. При таких условиях, с другой стороны, несомненно легче сговориться и относительно того, что должно быть сделано общими силами, и, сле-

довательно, такая организация будет наиболее работоспособной или действенной, активной. Только при таких условиях наша борьба за основную нашу цель — независимость Казачьих Земель — будет наиболее успешной. Ибо борьба за свободу и независимость требует жертв кровью. А для того, чтобы человек отдал свою жизнь в борьбе, он должен быть глубоко и абсолютно убежден, что он борется за правое и святое дело и что он не будет обманут.

На основании вот таких соображений мне и кажется, что предупреждение не делить Казачество по линии — старшина и рядовая масса, сделанное на парижском собрании, является глубоко ошибочным. Ибо такое деление, деление нашего народа, как и всякого иного, на сословия или классы существует давно и помимо нашей воли. И вопрос для нас может состоять лишь в том, закрывать ли нам глаза на это явление, или мы должны присмотреться к нему со всей внимательностью, изучить и понять его и сделать отсюда соответствующие заключения и выводы?

А. Литовкин.

Страничка из прошлого.

Несомненно, мы — казаки эмигранты — много теряем от того, что большевики в свое время захватили дневники и мемуары наши ли или людей, близко соприкасавшихся с общественной или политической жизнью в наших Краях. Факты, даты, лица, события затушевываются временем и прошлое, чаще тяжелое, чем отрадное, приходиться восстанавливать по памяти, основанием коей служит уже уставший и отравленный несчастьями, страданиями, а иногда и озлоблением мозг. Мне лично пришлось потерять все, что было записано; благодаря этому какое-то чувство оторванности от прошлого ползет ядовитой змеей в еще не остывшее сердце и как бы хочет задушить и то, что хранят воспоминания и за сохранение чего борется мозг, в связи с надеждой и верой, что кому-то уроки прошлого, в положительном или отрицательном смысле, пригодятся...

Трудно было сохранить много отрадных воспоминаний даже из мелких фактов и событий общественной и политической жизни многоводной и раздольной Кубани, особенно последних лет, — больше же врезывалось в память не отрадное, а тяжелое. Это — не свойство характера воспринимающего, а свойство того отрицательного, что давит на разум сильнее, чем все, что исходит от добрых начал...

Для примера, из воспоминаний извлекаю такой случай. Политическая весна, закончившаяся не жарким политическим летом, а жаркими боями между „белыми“ и красными, в свое время докатилась и до наших казачьих краев.

На Кубани осенью 1917 года родилась и организовалась Рада, представительный орган населения, его радость и надежда. Казалось бы — это было естественным последствием переустройства, начатого самим народом. Однако, не успела Рада еще снять с себя одежду новорожденного, как появились люди, которые решили, что Рада — „залог будущих несчастий“ и что поэтому новорожденную надо придушить.

Осенью 1918 года была созвана Рада во второй раз. Не успела Рада раз'ехаться (а может быть и не раз'ехалась еще — точно не помню), оставив вместо себя Законодательную Раду, как по инициативе генерала Б-ва, бывшего одно время комендантом города Екатеринодара, было собрано совещание „о способах ликвидации Рады“, как органа „политически опасного“. Совещание состояло исключительно из военных, если не считать приглашенных по какому-то недоразумению двух лиц в цивильных костюмах; этими двумя являлись два члена Рады — один казак, другой — иногородний. Как только цель совещания выяснилась, оба члена Рады определенно и решительно восстали против какого бы то ни было проекта „разгона“ Рады, как по принципиальным, так и по практическим соображениям: население несомненно, встало бы на защиту своих избранников, а это обеспечивало безнадежный разрыв между кубанцами и теми, кто являлся вдохновителями этой крутой и опасной меры в отношении казаков, давших белым армиям столько бойцов и способных полководцев. Параллельно с мнением членов Рады высказался совершенно отрицательно в отношении проекта насилия над Радой и бывший атаман Лабинского отдела полк. Б-ов.

Доводы противников „разгона“ и их определенное и решительное выступление против военного заговора в отношении Рады возымели свое действие: проект был категорически ликвидирован. Правда, об этом заговоре стало известно некоторым членам Рады, но существенных и серьезных последствий это уже не имело.

В этом же совещании, между прочим, был совершенно серьезно выдвинут „компромиссный“ проект: провести на должность Наказного Атамана Кубанского Казачьего Войска ген. Деникина, дабы таким образом не выпускать из рук контроля над деятельностью казаков на Кубани и над работой их представительного органа. После горячих дебатов и этот проект нашел могилу в самом совещании...

Так благополучно кончилась первая попытка ликвидации Рады, имевшая более трагические последствия во второй раз, когда главным действующим лицом драмы был не ген. Б-ов, а ни с кем и ни с чем не считавшийся ген. Покровский...

Читающему станет понятно сказанное мною вначале: трудно делать веселое лицо, извлекая из памяти обрывки подобных воспоминаний...

От редакции. Фактическая обстановка того события, которое описывается здесь автором воспоминания, некоторые лица, бывшие на том совещании, а также и само место совещания редакции известны.

„Лишь, как солдат, не мудрствуя лукаво, скажу: Если тактика рождается из стратегии, то последняя исходит из политики. Политика же наших белых вождей и окружения их, была направлена к нашему разгрому. И самооправдания никакие здесь не помогут“...

Признание одного из добровольческих полковников, стопроцентного единонеделимца в „Руле“ от 19 сего мая

— помещаем к сведению тех казаков, которые и сейчас еще зовут „отбросить всякую политику“ или зовут казаков на новое повторение чужого для нас опыта обанкротившихся белых вождей.

Думы и мысли.

Ив. Томаревский. (*Болгария*).

Братьям-борцам за свободу.

— 1 —

Моя душа полна покоя
И полон бодрости мой дух —
Борцов за наше право-Волю
Уж полон весь Великий Луг!
Уж много братьев осознало,
Чем были мы и что мы есть,
Влеченьям сердца, духа вняли —
Стоять и впредь за волю, честь...
Виват борцам за Казакию!
Земной и низкий им поклон.
Они заветы вековые
Несут в нее со всех сторон.
Вперед, вперед! с любовью, верой,
С надеждой волю воскресить,
Своим потомкам быть примером —
Казачьей доле послужить.

— 2 —

О, много нам еще работы
На поле чести предстоит —
Усилий жертвенных, заботы
Свою свободу воскресить.
Наш путь и длинен и тернистый,
Окутан непроглядной тьмою,
Но там, в конце, он светло-чистый,
Румяной видится зарею.
Пусть много ляжет на пути
Из нас за честь свою — свободу,
Но все же мы идти должны
Во имя нашего народа...
Дружнее-же, братья, все вперед
К рассвету вольной Казакии!
Да будет волен наш народ,
Как предки в дни его былые...

— 3 —

Тьма непроглядная вьеться вокруг нас...
Труден наш путь — и далек, и тернист.
Но ближе и ближе к нам волюшки час,
Вдали небосклон ее ясен и чист...
Преграды огромны в пути и часты,
Но мы их разрушим, мы их обойдем.
Идемте-ж, идемте, за волю борцы,
В конце лишь пути мы свободу найдем;
В конце лишь пути, исстрадавшись душою,
Пожертвовав счастьем своим до конца
Мы встретимся с ясной свободой — зарею,
С свободой и счастьем в бытьи казака.

Сергей Маргушин. *(Румыния).*

Родному Дону.

Дон привольный, Дон родной,
Степь и ширь твоя кругом.
Ты задавлен злой неволей,
Ты под гнетом, под ярмом...
Много раз ты поднимался
На защиту своих прав,
Кровью алой обливался
И, подавленный, стонал.
При движении народов,
Протяжением веков,
Азиатской был дорогой,
И ареной для боев.
Но потом там твердо стали
На груди твоей земли,
Волю крепко защищали —
Наши предки казаки.
Твой Черкасск — столица Дона,
Сердце вольности былой,
И елень, стрелой пронзенный, —
Вот твой герб был войсковой.
Всяк обиженный, гонимый
Под защитой был, как брат:
Был ли он из бедных хижин,
Иль боярин из палат.
Все равны между собою
Твои вольные сыны,
За свободу головою
Не скупилися они.
Много лет потом в неволе
Был под скипетром царей.
Стал теперь ты в горшей доле —
Под веригами цепей.
В смертной схватке ты рубился
С красным русским мужиком:
Не один москаль свалился
Под донским твоим копьем.
Свою вольную державу
Ты, как рыцарь, защищал
И, израненый, со славой
Обескровленный ты пал.
Всколыхнись же, Дон родимый,
Выйди вон из берегов,
Собери ты в круг единый
Своих изгнанных сынов...
Дон свободный, Дон седой!
Черной славою гремя,
Кто же править стал тобой?
Что осталось от тебя?
Я колена преклоняю
Пред Тобою, Дон родной,
Шлю поклон с чужого края —
Сын казак — изгнанник Твой...

28-XII-1930 г.

Ф. Карамышев (*Австралия*).

Из дум старого казака.

„Ученых много на Руси", сказал поэт великой славы: а умных со свечей ищи среди живых потоков лавы, той лавы, что за грань текла из жерл Российского вулкана, приют и хлеб себе нашла и требует экрана.

Вот там, в Париже, как везде, толпы политиков — партийцев дают рецепты той земле, — спасать хотят они россиянцев, и все кричат: „Спасенье в нас, и мы пройдем хоть диктатурой, и только ради, ради вас готовы править страной хмурой. Другие даже „Становой" хребет готовят, в усердьи рьяном, с стране чужою головой, желудочком — с из'яном...

А эти, право, так мудры и так „заветами полны движений мысли и души, что говорить-то тошно. Одна лишь мысль у них ярка, но пахнет мертвечиной: „Царя, царя! вот вам глава, а управлять мы будем! Мы мысли ясной не теряем: от головы и до хвоста своих людей везде поставим, — бояр, дворян, генштаб, попа! Мы руки оторвем от тела, пусть будут армией они, готовой защищать святое дело и что прикажут им вожди. А „вольным элементам" — казакам, калмыкам, кавказцам, туркестанцам, украинцам; сибирякам — об'явим раз и навсегда: политика Москвы „к концу" пришла: у вас все земли поотняты, отцы и деды все распяты... С пути свободы она сбила, согнав их попросту кнутом; труд каторжный всем подарила и вновь бояр понапекла и вновь дала им жить возможность, как их и деды поживали... Итак, лишь в нас нехватка! Прибудем мы — пойдет все гладко"!

***

А вот с Шанхаем то беда: не казаки там — якоря! На край Китая опустились и сами вдруг поудивились: и без цепи и без веревки, — ну, как тут жить? И как позволить людям плыть по самостийному теченью? И растревожились они, вопят: „Веревку нам, а то и цепь! И чтоб была получше крепь с Москвой и Ваньками опять"!

***

Мораль отсюда такова: не надевай, казак, ярма, не становись ты на карачки в усердьи рьяном иль в горячке! Болтаться вечно якорьком то на борту, а то по дну — совсем не будет уж к лицу не только Ермаку, а просто казаку!

Теперь за вывод из стихов, — пусть слушает, кто понимает: надежду брось, казак, на всех глупцов, лишь вольный дух все созидает! А так — замена головы лишь шляпой с ярлыками — не сбросит с нас ведь кандалы, не сделает орлами!

Письмо в редакцию „В. К.“

Господин редактор!

Неужели Вы еще не уверены в правильности своего общеказачьего пути, что обращаетесь к нам, читателям, о том, кто предатель и кто изменник казачьему народу? Ведь самостийники никак не могут быть предателями и изменниками казачества, ибо они не стремятся к присоединению Казачьих Земель к какому либо государству, а хотят создать всежеланно-народное Казачье государство на выборных демократических конституционных началах. А как господа парижане и их соратники шанхайцы единонеделимцы, то те безусловно хотят вновь изменить и предать все казачество будущей какой то никому неизвестной России. Им, вероятно, нравится сотнелетняя жизнь под игом Российских императоров. Неужели шанхайцы и парижане не знают из жизни казаков, казачьих песен чем для нас всегда была Россия? „А вже років двісті, як козак в неволи, по над Дніпром ходить викликає долю... Ой, рада б я выйти, та й сама в неволі, гей, у неволі у ярмі під московським караулом у тюрьмі...“ А если эти единонеделимцы не знают и других жизненных казачьих песен, то тогда казаков и казачью традицию они совершенно не знают. Да где им и знать, ведь они выросли и воспитались на московских блянах, а если и есть из них, которые выросли и воспитались на казачьих сухараях, то вероятно, сухари были недосушены. Поэтому у них мало сильной, чисто казачьей крови.

Господа парижане, шанхайцы и неделимцы, как вы долго будете дурачить наш казачий народ? Я думаю, что вы знаете бывшего президента С. Ш. Америки Абрагама Линкольна, которого американцы чтут как родного отца, который был именно народником. Он не один раз произносил великолепные речи, вот одна из них, поучительная и для вас: „Вы не можете обманывать весь народ все время, вы можете обманывать часть народа некоторое время“. Так вот последуйте стопам таких людей и как „В. К.“, господа единонеделимцы. Вы, вероятно, хотите попасть хотя на одну строку русской истории, — нет, вы не попадете на те строки, на которые вы мечтаете. Русская история, если только она будет, то отметит наш первый казачий шаг 1917-го года совместно с вами, как отмечала Пугачева, Разина и Булавина.

Господа профессора, генералы, единонеделимцы, вы что — хотите опять нас, казаков, вести за девиз добровольческой армии, за который вы водили 19—20 г. г., который и теперь еще отпечатывают в русских литературах, как в книге „Армия и Флот“ под редакцией В. В. Орехова и Е. Тарусского, издательство „Часовой“. Там сказано, что девизом императорской армии было: „За веру, царя и отечество“. Добровольческая армия несла девиз: „За Россию, единую, великую и неделимую“. Под таким девизом они нам, казакам, и теперь доказывают, что добровольческая армия не боролась против красной армии, а боролась против нас, казаков, на нашей казачьей территории, в наших родных хатах, ибо мы, казаки, в то время отделялись.

За кого наши полководцы, и верхи, т. е. единонеделимцы нас, казаков, вели? Не против ли нас самих, не изменили, не предали ли наш казачий народ? Тысячи потоков пролито казачьей крови, тысячи лучших голов казачьих на полях легли. За что? За кого? Во славу чего? И вы, единонеделимцы, еще раз хотите повторить этот девиз, вы хотите вновь вешать самостийников казаков, защитников казачьего самостоятельного государства, на тех столбах, на которых были повешаны руками изменников Кулабухов и Рябовол, вы приготавливаете такие пули, как получили Булавин и Каледин из-за таких деятелей. Нет, единонеделимцы, не быть тому, что было раньше, довольно измены, довольно предательства, прочь руки таких казачьих деятелей, как профессора Марковы, Мельниковы, генералы Богаевские, а также шанхайцы, от идеи самостийников. Вы должны еще искупить те грехи, которые упомянуты выше.

Братцы казаки, неужели мы допустим, чтобы неделимцы нас повели обратно за тот девиз добовольческой армии, за который водили в 19—20 г. г. Браты козаки, я думаю, что каждый из нас слышал своими ушами, видел своими глазами, здесь в изгнании, заграницей неоднократные упреки, тыканье пальцами, ненависть к нам, казакам, со стороны русских Ваньков и Жоржиков в том, что мы — изменники русскому народу, самостийники. Так довольно видеть, довольно слышать неразумные упреки, довольно посещать такие доклады, на которых смеются нагло с нас и раз'единяют нас, казаков. Стережиться брати мои, такой напасти хочуть нас роз'єденити, щоб усім пропасти, отож глядіть, не слухайте злого уговору, шануйтеся та держитьсяся кріпко брат за брата.

Бог поможет вольным казакам. Будем бороться за свое самостоятельное казачье государство; подавайте скорей свои голоса в редакцию „В. К.“, соберемся в одну казачью семью и начнем сами работать во главе с журналом „В. К.“, ибо скрость измена, скрость обман и каждый смотрит только у свой карман. Там воссияет Казакия — государство, казачество станет во славе жить; не быть тому, что было раньше.

Прошу извинить за малограмотность, — я казак Кубанского Войска, окончивший одноклассное станичное училище, а посему с накопившимся в душе негодованием писал все то, что лезло в голову, а еще помня негодование своего отца-старика и всех станичных стариков за хищный набег Покровского на Краевую Куб. Раду, то тем более изнуряет мое молодое казачье сердце.

Казак **Т. Ф. Канарев.**

С. Ш. С. Америки, город Клевеланд.

I.

Станичник редактор!

Простите за опоздание с ответом на №. 74. „Деды и внуки“, но молю вас, поместить на страницах нашего журнала мое нижеследующее слово.

Искони казачество было вольное. И не атаманы распоряжались войском казацким, а все войско — само собою, решало все свои казачьи дела на Войсковом Кругу. Атаман был как исполнитель, решонного дела. Теперь атаманы, как я помню, в мои лета решали на Дону дела (во вред казаку), а не все Войско, как это было встарь.

Атаман наш А. П. Богаевский забыл, что теперь не время Фон-Тауббе или графа Граббе. Сейчас Атаман наш А. П. Богаевский идет по стежке Атамана Вишаты Васильева. Говорю не я, но сама кровь моя квазачья говорит! Мой поклон самостийникам и всему вольному казачеству. Изменники же те, кто хвостит перед остатками мертвых костей Кирилловых, Деникиных, Кутеповых, Миллеровых и т. д. Гг. Мельниковы, Марковы и др. уверяют нас, что казаки — не казаки, а русские люди.

Но пусть не наводят мглы на глаза казаку. Бестыдники! Говорю, как честный хуторской казак.

Довели до зла сына Дона! Вместо того, чтобы направить казака по торной дороге, они его несчастного направляют по ярам да по тернам к Москве. Правители казачьи, а московские да орловские доброжелатели.

Разве же вы для этого выбраны казаками, чтобы хвостить перед москалем? Перестаньте мешать нашему Вольному Казачеству и его святому делу. Ему верим. Знайте, что вы вывели казаков из терпения, и они уже вам не верят. Прихвостни московские казакам вредны. Помните и так и запишите: Вольному Казачеству и его славному казачьему делу мой земной поклон.

II.

Пусть нас клянут за наше правое дело, за нашу волю родную, казацкую. Но вы, не взирая ни на что, по моей казачьей просьбе, поместите на страницах нашего вольного журнала, мое искреннее обращение к моим братьям, вольным казакам, всех казачьих войск.

Братья — казаки!

Видите, что позиция господ Мельниковых ослабевает. Они уже виновато пожимают плечиками и наверно согласны извиниться перед казаками за свой дерзкий поступок против вольного казачества. Да, несколько человек против всего вольного казачества! Жаль. Грубо, слишком грубо они ошиблись в своем казачьем поведении. Они забыли, что казак — вольный человек. Братцы, моя просьба казачья ко всем казакам, читателям вольного журнала: беседуйте, об'ясняйте, говорите, открывайте своим братьям — казакам, значение былых вольностей казачьих. Знайте: русские историки о казаках писали только, как о ворах и разбойниках. Под игом Москвы собственной истории Казачество не имело. На бумаге она не написана. Но если история наша не написана на бумаге, то она была в умах наших предков-казаков напечатана. И ими же она, наша история казачья, передавалась полностью потомкам-казачатам. Наконец, дошло до нас время. Мы, по примеру нашего Атамана К. Булавина, выступили поголовно на защиту своих вольностей казачьих. Но благодаря нашим казачьим правителям, — приспешникам Москвы, вышло наоборот: не за вольности казачьи стояли мы, а за единую неделимую... Нас обманывали.

А мы, на фронте погибая, их мысли-то и не знали. Своею доверчивостью казак страдает от подкрашенных казаков. Так смотри же казак, будь часовым, чтобы кровь твоя не лилась в защиту москалей от Москвы ихней же. Знайте братья-казаки: Россию нам не освобождать от русских же. Но наша задача — изучить свое славное казачье и потом освобождать казачество от русских. Казак — не русский... Казак не может быть двойной: русский — пензяк, тамбовец, рязанец — неказак. Тамбовец — в России, а казак — в Казакии. Пора открыть свои глаза, и смотреть в свое казачье, а не в эту неразбериху! Русские казаки! А разве есть и германские казаки? и т. д. Стыдно врать: грех.

Русских казаков нет, а есть Донские, Амурские и т. д. 12 казачьих войск.

Братья казаки, прочитайте печальную статью есаула-казака, Павла Кудинова, „Восстание Верхне-Донцов в 1919 году“ в №. 77.

Да здравствует вольное казачество!

Казак станицы В.-Чирской, хут. Александрина,

Г. М. Александрин.

И еще раз о том же.

Хотя от многого глаголения и нет спасения и чем дальше в лес, тем больше дров, но, ввиду того, что разговор начавшийся между мною и станичником Лысенковым вызвал нервные отклики и других станичников, то позволю, коротко и окончательно высказавшись, завершить свое мнение по вопросу о с'езде, чтобы ни у кого больше не было о том ложных представлений.

Из возражений, как ст. Лысенкова, так и Еремеева можно понять, что будто-бы я принципиально против с'езда вообще, тогда как я все время говорю о действительно существующих трудностях, связанных с созывом с'езда и о том, что, если с'езд созывать, то придется созывать его нам самим, т. е. расходы, связанные с этим, взять на себя, так как я не полагаю, чтобы нашлись такие люди, которые дали бы нам столько денег. Я говорил, что на свои средства созывать с'езд Казачеству в эмиграции будет слишком тяжело и что с'езд, созванный с таким материальным напряжением, не даст в данный момент тех результатов, которые от него казаки ожидают.

Станичник Еремеев с'язвил на счет моей любви к стравливанию и неудачно, так как стравливания тут нет. Относительно разочарования, то это дело уже другое. Возможно, что тот или иной вольный казак, который думал наше дело осуществить на днях, „стоит только созвать всеказачий с'езд“, несколько разочаруется, но что делать?.. Я считаю, что лучше разочаровать колеблющегося человека, чем вводить его в заблуждение, обещая вещь, в исполнении которой я сам сомневаюсь. Для меня лично, возможность или невозможность созыва с'езда не есть острый вопрос. Созовем с'езд — хорошо, ничего не имею против, приму посильное участие в отправке делегата и из нашего хутора, взяв свою долю материальной жертвы, если это будет нужно; если с'езд невозможно будет созвать, то тоже печалиться, по моему, еще нет причины; по крайней мере это ни в коем случае не может повлиять на мою готовность бороться за свободу Казачества и на мое убеждение в правоте нашего дела и я совершенно не понимаю тех станичников, которые говорят, что несозыв с'езда может вызвать разочарование.

Я уверяю, что моими скромными рассуждениями не хотел создавать только разочарования, а хотел, чтобы станичники не так напряженно ждали этого с'езда и не такие уж большие надежды возлагали на него. Я хотел, чтобы станичники не витали в облаках, а трезво и холодно взглянули на жизнь и твердо решились бороться, победить или умереть. Само собой разумеется, что я не меньше кого либо горю желанием как можно скорее воплотить в жизнь наше вольноказачье стремление, ибо и мои кровные родные стонут в большевицких кандалах, но я не могу так настроиться, что: будет с'езд я — вольный казак, не будет с'езда — так не стоит этим делом заниматься; в этом случае я не сторонник „сентиментов“, а именно „холодный“ политик, если позволено будет мне так назваться. Я, например, ни в коем случае не мог бы позволить, чтобы мои хуторяне выбирали меня делегатом на с'езд, который неизвестно когда будет, неизвестно будет или нет, неизвестно кем будет созываться, из кого и для чего. Если кто из станичников из излишней горячности согласился на такую вещь, то это просто легкомыслие и больше ничего и таким „сентиментам“ я совершенно не завидую.

Я совершенно согласен со станичником Еремеевым, что в периоде борьбы за свою свободу, тот или иной народ, делает „безумные“ шаги, но не всегда это бывает решением дела и считаю, что чем больше в нашем деле будет избегнуто этих „безумных“ шагов, тем будет лучше. А кроме того, я еще раз говорю станичникам, что я пишу только свое частное мнение; если созыв с'езда на те или иные средства возможен, то эта возможность от моего отношения к вопросу не отдалится и я совершенно не понимаю, почему станичники, когда говорят по этому вопросу, то только нервничают, но никто не делает конкретных предложений и даже до сих пор не сказали — какой с'езд нужен, — всеказачий без различия направлений или только вольноказачий? Первый принесет вред, потому что каз-во на нем расколется и неизвестно, какое течение будет преобладать; а второй будет полезен, но одного хотения мало, а надо выяснить — как созывать. По моему мы, казаки, должны откровенно переговорить, но при этом не обязательно пускать в собеседника колкости.

Ш. Ниминов.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Казачья эмиграция.

В Париже.

10 мая в Париже состоялось публичное собрание „Общества ревнителей Казачества“, на котором Ш. Н. Балинов сделал доклад на тему „Чем было Казачество?“. Председатель правления Общества, Е. М. Якименко, открывая собрание, сделал маленькое информационное сообщение о жизни Общества, о том, что эта организация, благодаря энергии секретаря правления, А. И. Скобелина, уже зарегистрирована и утверждена французскими властями и Общество существует совершенно официально, на законном основании, и несмотря на то, что наша организация недавно зародилась, она успела уже устроить несколько открытых собраний, на которых читались доклады и рефераты на исторические темы.

Затем слово предоставляется докладчику. Ш. Н. Балинов, в своем изобилующем фактическими данными, живом и интересном докладе нарисовал яркую картину исторического прошлого Казачества.*)

Многолюдная аудитория в течении двух часов с глубоким интересом и напряженным вниманием слушала докладчика. Было чуть ли не первое хорошее майское воскресенье в Париже и устроители собрания вначале высказывали опасение — в такую погоду и за тысячу франков не заманишь казаков на собрание. Тем более что почти рядом устраивалось публичное собрание и „Лигой Возрождения Казачества“. Но опасение это не оправдалось, казаков собралось много.

После доклада состоялись прения. Первым говорит казак Астраханского войска, Киктев, который говорит „не от имени Дона, Кубани, Терека, а от шумной Волги, от имени войска Астраханского, хотя меня никто и не уполномачивал на это. Докладчик очень хорошо осветил казачье прошлое и за это его нужно благодарить. Но нам говорили только о прошлом, которое все мы, казаки, хорошо знаем, ибо все это с молоком матери всосали, а чего мы жаждем сейчас? Нам нужно не прошлое, а будущее. Я сюда прихожу услышать не то, что было в прошлом, как жили и что думали наши деды и прадеды, это мне давно моя бабушка рассказывала, а прихожу, чтобы услышать слова о том, что ждет нас в будущем, что готовят нам наши вожди. Нас может радовать прошлое, но нас сейчас интересует не прошлое, а будущее. Издается журнал. Говорят, что подготавливаем казаков. Цель — хорошая, но достигается ли она, доходит ли этот журнал туда, куда следует. Я лично сомневаюсь. Если нелегальным путем доходит на станицу один экземпляр журнала и там читается из под полы, то это ничего не значит. Надо что нибудь иное. Журнала одного недостаточно. Наши предводители должны сделать другое, но они этого не делают. Например, русские созвали Зар. С'езд. И мы, казаки, должны созвать свой Зар. С'езд. Для чего? Тогда услышит нас Европа, услышат большевики, всюду будут знать нас. Это будет началом большого дела. М. б., большевики в своих газетах исказят лик этого С'езда. Пусть! Существует казачье сердце, живы еще старые казаки и они поймут, что кроется под этим искаженным ликом С'езда, поймут, что есть ячейка, не умерли еще казаки, поймут, что там делается. Отдельные Войска существовать не могут, надо об'единенное Казачество. Мы на С'езде скажем: от Азова до Сибири! Большевики нам помогут. Пусть они называют нас бандитами, но казаки там поймут, что это за „бандиты“. Казаки не охотно идут на собрания. Почему? Они жаждут реального дела, а не слова, жаждут С'езда, но из центра слышится разноголосица, говорят, что там не желают С'езда. Когда будет С'езд — миллиарды о нас узнают, узнают, что Об'единенное Казачество будет сильнее Франции. Тогда приблизится возможность вступить на родную почву, ибо нами заинтересуются иностранцы. а без их помощи мы ничего не сумеем сделать. Нам необходимо добиваться этого иностранного внимания, помощи. Надо стучаться во все двери. Надо ставить иностранцам прямо вопрос: помогите. Пойдем к французам и скажем — помогите. Наверное они скажут — нет. Тогда мы скажем: не хотите — не надо, пойдем к немцам, которые охотно помогут. Тогда и французы призадумаются. Надо стучаться, кричать, поднять бучу в Европе... Надо двигаться вперед, а не оглядываться назад...

— Якименко: Оппоненту, конечно, ответит докладчик. Я хочу лишь заметить, что упреки ст. Киктева против В. К., что оно только оглядывается назад и только пишет, а дела не делает — не соответствуют действительности, а потому и неуместны. Оно, обращая свое большое внимание на казачье прошлое, все время смотрит вперед, стремится вперед. Никто не может сказать, что работа о будущем не ведется...

— Казанцев: Я верю, что станичник Киктев искренно стремится вперед, желает, подняв бучу, привлечь к себе внимание иностранцев, добиться от них реальной помощи казачьему делу. Но кто пойдет на это? Франция? Что она может сделать? Пример — австро-немецкий аншлусс, против чего она ничего не может сделать. Современной высокой политикой руководят не идеи, а голый рассчет и любая благородная идея убивается под жестоким ударом „рассчета“ современной политики. Наши предки Рим спасли, а мы, с точки зрения политического рассчета, годимся только на жаркое... Я бывал во многих партиях: был у Краснова, у младороссов, у Маркова. Везде ничего нет. Мерзость и запустение... Наше, казаков, положение бесконечно тягостное, нет единства политического взгляда, разделились на бесконечное множество политических группировок. У нас остается только единственная возможность — попытаться об'единиться на чисто экономических интересах... Несмотря на мои разочарования, я от души приветствую всякую хорошую идею и с этой точки зрения я приветствую и сегодняшний доклад. Но я розовых надежд не питаю. Без помощи иностранцев мы бессильны что либо сделать, а надеяться на Европу бесполезно...

— Чертков: Сегодня, без связи с докладом, говорили, что нужно стучаться во все иностранные двери, выбить их; созвать С'езд, поднять бучу. Но как мы можем созвать С'езд, не подготовив предварительно казачью массу? Киктев желает разбежаться, бухнуть в чужие двери, чтобы: или разбив ее, выйти на берег, или разбить себе лоб. Господа, мы уже много раз, не подготовившись, бухали лбом и разбили свой лоб, а в результате сидим тут. На ошибках своих надо учиться. Нам необходима хорошая предварительная подготовка, надо укреплять свои идейные позиции, чтобы второй раз, ударившись лбом, не разбить его...

— М. Колесов: О прошлом не надо говорить... Я с этим совершенно не согласен. К сожалению, не все мы знаем свою историю, а многие из тех, кто знает, по каким то своим соображениям, стараются извращать казачью историю, внушить ее казакам в превратном свете. Например, проф. Марков в своих статьях в „П. Н.“ говорит, что казачьи государственные образования создались только на основах февральской революции, как будто до февральской революции у казаков никаких „основ“ не было. Это говорит профессор, да еще казак! Это сознательное извращение казачьей истории. Основы казачьей жизни уходят в глубокую древность, как сегодня так ярко представил нам докладчик, эти казачьи основы имеют свое начало чуть ли не со второго столетия. Утверждение проф. Маркова не выдерживает никакой критики, ибо за два года никак нельзя создать и укрепить основ государства. Проф. Марков назвал свою статью „Казачьими Думами“, этим как бы выдает свою собственную мысль за общие казачьи думы. Свою мысль выдает за думы всех казаков. Он советует сговориться... С кем? С Миллером, Милюковым, Керенским? Кто и что они? Ничто! Он говорит, что казаки при царях жили хорошо, но Марков не знает этой казачьей жизни. Эту жизнь, насколько она была „хороша“, знаем только мы, „сломавшие службу“. Мар-

*) От ред: сам доклад будет напечатан в следующем номере нашего журнала.

кову долго еще нужно „разжевывать рукав"... Нам надо внимательно изучать свое прошлое... Я, конечно, не против „стучания". Надо стучаться, надо добиваться! Но надо свое будущее строить на своем прошлом... Мы — казаки не с февральской революции, мы — казаки с допотопных времен! Сейчас нет России, и не с кем сговариваться! Наша первейшая задача — вырвать свои Края из советского ада. Там соберется Казачий Круг и скажет: с кем сговариваться, жить ли ему с Россией или без нее. Сейчас всякие разговоры о России — пустая болтовня...

— Гладков: Я с большим вниманием и удовлетворением выслушал интересный доклад г. Балинова, а также выступавших затем казаков, у которых были хорошие мысли, но не оформленные, если их оформить и привести в известную систему, то получилась бы интересная программа. Доклад Балинова составлен прекрасно, проникнут любовью к Казачеству, к его прошлому. Я решительно не согласен с теми, которые здесь говорили, что прошлое нам не нужно. Нет, нам, как воздух, необходимо наше прошлое, и таких докладов, как сегодняшний надо устраивать не раз и не два, а сотни раз повторять, ибо он в высокой степени поучителен и дает богатую пищу для размышления над собственной своей судьбой. Я только могу высказать свое сожаление, что докладчик подошел к вопросу с определенной политической тенденцией. Так подойдя, он и подобрал нужные ему материалы, привел их в определенную систему и у него получилась стройная, связная казачья история совершенно оправдывающая его политическую позицию. Я думаю и сам докладчик этого отрицать не станет. Подойдет к этому вопросу другой — подберет уже другие, ему нужные материалы и получится другая казачья история. Историю за чистую монету нельзя принимать... Она никогда не повторяется. Может ли Каз-во жить так, как жили наши предки?

У выступавшего здесь Киктева все качества казака с горячим сердцем. Но те методы, какие он предлагал, совершенно не возможны. Лоб свой разбить всегда успеем... Сейчас много партий: и „Лига Возрождения" и „В. К." и еще другие. Каждая из них пожелает „стучаться"... С кем там будут говорить? Нет, прежде чем „стучаться", казакам необходимо об'единиться, надо на деловой почве сорганизоваться, набраться сил, только тогда „стучаться", только тогда с нами будут говорить. Казачество было сильно, когда не было партий, а когда появились партии, то оно стало бессильным. Надо стремиться к единению. Я с Балиновым расхожусь политически, но с удовольствием его слушаю. Полностью разделяя чисто историческую часть его доклада, я не могу согласиться с его полптическими выводами. Если мы на экономической основе об'единимся, то с ним можем найти и полное согласие, найти общий казачий язык. У него сейчас над „экономикой" довлеет „политика". Он сегодня своим прекрасно совставленным докладом разжигал казачьи сердца, что, конечно, необходимо для политического работника... (голос с места: вы разожглись?)... Я и не угасал...

— Трофимов: Хотел было говорить с начала, но в связи с выступлением станичнпка Гладкова, начну с конца. Гладков согласен с докладом, но вместе с тем он не согласен с концом доклада, потому что там „политика". Вот если он с Балиновым сговорится на экономической почве, скажем, они создадут вместе какое нибудь стотысячное дело, то он и с концом доклада согласился бы. Так ли я выражаю мысль Гладкова? (голоса: правильно!) У него от доклада даже сердце разожглось, но с концом он не соглашается, потому что нет „экономической основы". Правильна ли такая постановка вопроса на спокойном собрании казаков? На митинговых собраниях допустимы всякие политические приемы. Я, например, помню одно казачье собрание в 1917 году. Молодой казак с трибуны кричал: чем лучше старик меня молодого? Тем ли, что он сносил 40 штанов? Толпа закричала „браво!" и — оратор достиг своей минутной цели. Но на собрании спокойных казаков такие приемы не допустимы.

Я понимаю чисто казачий порыв Киктева: стучаться, биться, разбивать себе лоб! Но я спрашиваю: как же вы будете проявлять свой порыв без знания своей истории? Надо разобраться с условиями, фактами своей прошлой жизни, ясно уразуметь ее сущность. Я совершенно не согласен с тем, что мы все знаем свою историю. К несчастью, это не так. Кто из нас, присутствующих здесь, знает свою историю? Скажите откровенно. Почти никто! Ибо история — не роман. Ее изучать надо, а не читать. Подобные доклады надо устраивать не раз и не два, а тысячи раз. Для знания своей истории не только нужно уметь просто читать книгу, но надо уметь читать историю. Прежде чем говорить о будущем, надо познать себя, выяснить — кто мы, казаки, и чего мы хотим. Для познания самого себя надо уметь понимать смысл исторических фактов. Например, все мы знаем: „да здравствует царь на Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону". Как его толковать? Многие толкуют так, что этим наши предки выразили свою верность Москве: ты, мол, наш царь, царствуй на Москве, а мы, казаки, твои слуги, будем жить на Дону и охранять твое царство. А я, например, понимаю совершенно иначе: живи ты, русский царь в Москве, а мы, казаки, будем жить на Дону, как мы сами желаем. Другой ближайший пример, Краснов. Прекрасное знание казаков, организационный талант. Воскрешая в казачьем сознании казачье прошлое, взывая к казакам о воскрешении старинной казачьей вольности, нашел широкий отклик у казаков, из ничего создал прекрасное здание донского государства. Потом все развалилось. Почему? Потому что он затем подчинил казачье московскому; вместо захватывающей казачье сердце красивой песни о старинных казачьих вольностях стал петь песню о „Златоглавой Москве"! Изменил казачьей истории! Нам надо осознать самих себя и на знании ее строить свое будущее, не изменяя ей. Конечно, история точно не повторяется. Но не повторяются только факты истории...

— Гладков дает об'яснение по личному вопросу. Его неправильно поняли. Он не говорил, что, если у Балинова будут деньги, то он, Гладков, с ним может сговориться. Он категорически возражает против такого понимания его мысли. Он говорил лишь о широком об'единении казаков на чисто экономических началах...

— Казанков выражает свое сожаление, что он вместо единения видит только спор. Говорит о биологических законах, согласно которых — выживают только сильные, приспособившиеся к жизни. С этой точки зрения самостийное течение более всех других течений может надеяться на приспособление. Ссылками на русскую историю, разбирая „структуру России", он приходит к выводу, что она не сумела приспособиться к жизни и умерла. Грузия, Польша, которые знают цену жизни, уяснили смысл борьбы за существование в конце концов ожили, воскресли. Остались мы, казаки, тоже мало к жизни приспособленные. Если мы не приспособимся к жизни, то также легко умрем, как умирали другие...

Председатель собрания предоставляет слово докладчику для залючительного слова.

— Балинов: Мне, в качестве докладчика, почти ничего не остается говорить, ибо выступавшие здесь мало говорили по существу сегодняшнего доклада, а те, которые говорили по существу доклада, не возражали, а только дополнили. Я только возражаю против той мысли, что все мы хорошо знаем свою историю, что нам не нужно прошлое, а только будущее. К сожалению это не так. Мы не знаем своей истории. Как раз сегодня говорил Гладков об отсутствии у нас единства, о существовании многих политических группировок. По моему, об'ясняется это тем, что мы не знаем своей истории, а в силу этого незнания — нет у нас единого взгляда по самому основному, коренному — на свою собственную природу, казачью сущность. Возьмите украинцев. У них имеются все политические партии — от крайне правой до крайне левой, но у них в разнообразии — полное единство: украинцы — отдельный народ, имеющий неоспоримое право на самостоятельное государственное бытие. У них полное единство в самом основном, коренном. У всех у них единая цель, но к этой единой цели идут различными путями. Вот как раз имея ввиду это малое знание своей истории, я и согласился на предложение правления Общества сделать доклад на историческую тему, хотя я ясно

сознавал, что это с моей стороны — большая дерзость. Надо настолько хорошо знать свою историю, настолько хорошо укрепить свое казачье сознание, закалить свою волю, утвердить свою веру в правоту своего дела, чтобы никакой искушенный профессор не мог вселить в вашу душу никакие сомнения, колебания. Казакам нужно быть подкованными на все четыре ноги, а эту подкованность даст только знание истории. Сейчас, если так можно выразиться, мир для нас, казаков, представляет из себя как бы безграничную ледяную поверхность, на которой мы не можем устоять и уцепиться. Когда мы „подкуемся", тогда можем уцепиться и удержаться и на этой ледяной поверхности. Само собою разумеетя, „стучаться" необходимо, но для того, чтобы наш „стук" могли услышать иностранцы, надо чтобы „стук" наш хорошо подпирался. Украинцы, грузины и т. д., имевшие предварительную подготовку, продолжавшуюся десятками лет, теперь „стучатся" и их „стук" слышит мир; они имеют вход в международные органы, всюду имеют своих защитников. К несчастью, у казаков этого еще нет. Когда три года тому назад В. К. подняло казачье Знамя, перед ним была ровная водная поверхность. От брошенного им „идейного камня" на этой ровной поверхности пошли водяные круги и они все больше и больше распространяются, захватывая все более широкие пространства.

Я сегодня совсем не затрагивал актуальнаго, больного вопроса: что делать и как достигнуть своей цели? Я только говорил о казачьем прошлом, чтобы уяснить казачью сущность. Если время и обстоятельства позволят, об этом поговорим в другой раз. Никто никому не может посылать упрека здесь, в этом зале. Ибо все одинаково ответственны в том, что у нас многое не сделано. На каждом из нас лежит совершенно одинаковый долг перед Казачеством. Каждый из нас обязан делать все, что в его силах...

У нас были вожди, которые обязаны были указывать нам ясную политическую дорогу, вести к цели, которая ясно и определенно указана Войсковыми Кругами и Радой, но они изменили Казачьей Конституции, нарушили свою клятву-присягу и пошли по иной политической дороге. Теперь приходится самим казакам, не обращая внимания на поведение своих б. вождей, попытаться найти самих себя, сорганизоваться и пойти по Казачьей Дороге. Здесь не место нам друг друга упрекать, а нужно попытатьсься общими усилиями сделать что то.

Все за одного и один за всех! Дружным и единым фронтом вперед — к единой и основной цели — к освобождению страдающего Казачества, к созданию самостоятельного казачьего государства — Вольного Казачества „по древнему казачьему обыкновению", „как жили наши предки"!

Собрание шумно выражает свое удовлетворение докладчику, настойчиво просит сделать следующие доклады на намеченные темы: „Чем стало Казачество" и „Чем должно стать Казачество"?

Выражают пожелания, чтобы докладчик настоящий свой доклад попытался издать отдельной брошюрой, ибо в нем в краткой и ясной, легкой и доступной для всех форме изложена вся долгая и героическая казачья история, отчетливо выявлена физическая и духовная сущность Казачества.

(Соб. кор.)

Письмо из Парагвая.

Ниже мы помещаем письмо наших соотечественников, б. атамана ст. Пашковской А. М. Лысенка и доктора Е. Я. Тимченка, казака ст. Григориполисской, — имеющее несомненный интерес для всей казачей эмиграции.

Глубокоуважаемый г-н редактор.

Прежде всего позвольте благодарить Вас за посылку в Перу журнала „Вільне Козацтво" и „Календаря на 1930 г." Нам не пришлось там остановиться, ибо самым главным бичем для нас там были дожди, а затем дорога — 180 километр. от жел. дороги. Поэтому наша коолония постепенно таяла и к концу года рез'ехались все, кто куда пожелал. Много шумихи было с колонией ген. Павличенка, а наша покойно молчала. С сентября прошлого года я и Г. И. Байков (б. дир. реальн. учил. в ст. Михайловской) выехали из Перу через Боливию в Аргентину, где в гор. Розарио (полмиллиона населения) провели 4 месяца, изучая страну и возможности сесть на землю. Оказалось, однако, что земля здесь искусственно поднята в цене капиталистами, купить трудно, а правительственная земля Хако и Формоза не для нас: нет воды хорошей, москиты и саранча. В марте 1931 г. мы переехали в Мисионес, где земли не оказалось, но работать можно. Там много галичан и волынцев, но дорога — 140 клм. от гор. Пасадоса — поглощает стоимость продуктов. Тогда мы переехали в Парагвай, в гор. Енкарнасион, на границе с Аргентиной. По реке Парана, шириною около 1 клм., ходят пароходы от Буенос-Айреса (хорошее сообщение с Европой).

В Енкарнасионе мы встретили нашего кубанца, ст. Григориполисской, доктора Е. Я. Тимченка. Он рассказал нам, что об'ездил весь Парагвай и лучшего места, как департамент Енкарнасион, для поселения казаков не найти. Тогда я об'ехал окружность его на 35 верст, побывал в 2-х колониях, по 30—40 дворов в каждой. Галичане и волынцы довольны всем. Родит все, что у нас на Кубани, даже овес, ячмень, пшеница и виноград да еще табак, рис, лимоны и апельсины. Водится птица всякая, свиньи, скот. Земля красная, но плодородная. Много ручьев, вода сладкая, растет хороший строевой лес, можно пилить доски. Сосны и ели нет. Есть поляны по 50—100 гектаров, где можно выпасывать скот.

Возвратившись в город, мы с доктором решили просить у правительства землю для поселения казаков, русских и украинцев, образовывая свои станицы. Правительство охотно разрешило, дало нам бумагу поселять казаков на земли, образовывая станицы, с церковью, священниками, школой и пр., и вокруг станицы участки по 20 гект. на семью, а одиноким — по 10 га.

Земля в 15—20 клм. от гор. Енкарнасиона, дорога хорошая, можно ехать подводой и даже автомобилем. Я теперь собираю сюда всех казаков, которые были в нашей группе в Перу, и записываем желающих галичан сесть с нами на землю. Поселившиеся уже 5 лет назад галичане и волынцы, до 40 семей, просят и их присоединить к станице. Живут на хуторах, но у них есть дети, и им станица нужна.

Жители Парагвая хорошо относятся к нам. Много девушек желают выйти и замуж, но они не подходят, а лучше ехать сюда с женами из Европы.

Описав Вам все, мы просим Вас напечатать об этом в журнале „В. К.". Желающие ехать сюда пусть записываются у Вас, собирают группы по 5—10 чел. и едут прямо к нам в Парагвай. Жалательно, чтобы вы там возбудили ходатайство перед Лигой Наций о перевозке тех, кто не имеет своих средств, за ее счет с условием погашения по истечении года.

Правительство дает землю бесплатно, но перевозить за свой счет, давать средства на жизнь и инструменты оно не может за бедностью. Для обработки земли на первое время надо: топор, пила, лопата, мечета (вид нашей шашки — рубить мелкие деревья), тяпка, фонарь, посуда для кухни. На все нужно 200—300 пез аргентинских.

Поселенцы начинают обыкновенно с того, что рубят лес, через месяц он уже сухой, его сжигают; сорной травы под лесом обыкновенно не бывает. Сейчас же после этого колом проделывают в земле дыры и сеют кукурузу и мандиоку (вид нашего картофеля), которая заменяет даже хлеб. Кукурузу уже через три месяца можно есть свою, а картофель — через 5—6 мес. Кукуруза и мандиока имеются в изобилии у местных жителей, можно покупать очень дешево. Можно покупать свиней, сало, кур. Можно подрабатывать немного денег на еду. Кукуруза родит два раза в год: ее можно сеять в конце августа, в сентябре и второй раз — в декабре — январе. Лук, чеснок, бурак, капусту сеют в апреле — мае — на зиму. Здесь лето, когда в Европе зима, и наоборот. В августе бывают даже заморозки. Ночи вообще свежие. Днем тепло до 20—22 гр. Вечно зеленые деревья. Москитов и зверей почти нет. Столица Парагвая Асунсион уже хуже по климату — жар-

че. Я об'ехал Перу, Боливию, Аргентину и лучшего места, как в департаменте Енкарнасион в Парагвае, не нашел. Об этом департаменте говорит и докт. Тимченко, как о лучшем месте в Парагвае: хороший здоровый климат и лучшая земля.

Просим Вас быть нашим представителем по переселению казаков на землю. Присылайте нам журнал „В. К.“. Здесь мы сохраним традиции наших предков и будем готовы пойти на освобождение нашей матери Кубани, когда это понадобится. Свою станицу мы наименовали так: Американо-Кубанска дэ Козакос станица.

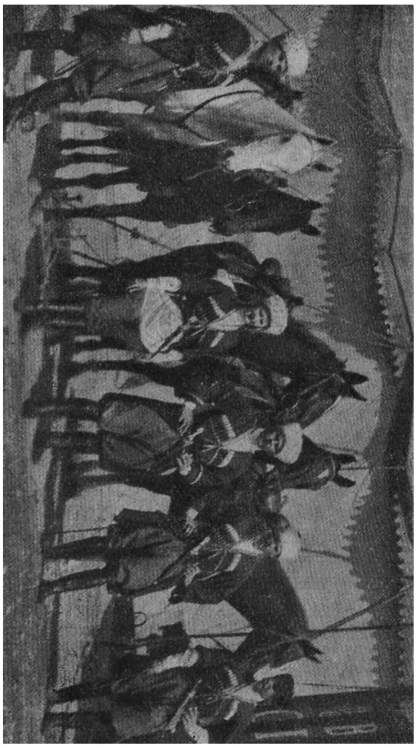
Шлем привет и лучшие пожелания всем кубанцам.

Командируйте для осмотра людей, которые дали бы заключение по содержанию наших сообщений.

Доктор **Е. Тимченко.**

Атаман станицы **А. Лысенко.**

20-IV-31.



Команда джигитов под'есаула Селина. (С. Америка).

Джигиты в Америке.

Нам сообщают из Америки, что команда кубанских джигитов под'есаула С. Г. Селина в 1930 г. совершила турнэ по всем Соединенным Штатам и Канаде, об'ехала около двухсот городов на протяжении 18750 верст. Зиму команда провела на отдыхе в теплом месте, в Калифорнском штате, местечке Болдвин. За это время команда пополнилась джигитами и танцорами, заготовила новые седла, по три комплекта нового обмундирования. В марте т. г. команда вновь выступила на работу в одном из первоклассных американских цирков в Чикаго.

„Жизнь джигитов проходит в чисто казачьем духе, твердо хранят они заветы и традиции дедов“, пишет один из них.

Джигит И. К. Сопильняк.

Из гор. Жумель, во Франции, нам сообщают, что выступавший там недавно И. К. Сопильняк со своими джигитами произвел большое впечатление не только на французскую публику, но и на русскую и казачью колонии. Казакам, как знатокам искусства джигитовки, ст. Сопильняк, видимо, особенно понравился: „Сам маленький, но удаленький“. Наш корроспондент, казак Б. Рожков, от имени всей казачьей колонии Жумеля приносит ст. Сопильняку и всей его команде „глубокую благодарность за его отличнейшую работу, которая действительно удостоверила ту его славу, о которой приходилось только слышать... Мы никогда не пропускали ни одной джигитовки, но таких джигитов, как Сопильняк с его командой, мы еще не видели здесь. Дай, Бог, ему и его сотрудникам здоровья и счастья, что бы прославлять лихое казачество“.

Письмо в редакцию.

Глубокоуважаемый станичник редактор!

Настоящим покорнейше прошу дать место в уважаемом журнале „В. К.“ нижеследующему:

В одном из номеров журнала „Родимый Край“ секретарем Казачьего Союза Марковым помещен очередной отчет, в котором показано, что им (Марковым) выдано 30 франков казаку-калмыку Бадьме Ванькину на излечение.

Я не знаю, к чему такие отчеты, или вообще они так отчитываются перед казаками, но должен заявить, что я (Бадьма Ванькин) таких денег ни от Маркова, ни вообще от Казачьего Союза не получал. Был я в союзе за справкой о работе, но денег не просил, тем более на излечение, так как я был и есть здоров.

Я был тогда вместе с казаками Александром Брюховым и Александром Трофимовым, которые просили в союзе по 30 франков на дорогу до места работы, но Марков при мне им ответил, что денег у него нет и что придет вечером Мельников и он может и даст. Знаю, что казаки и от Мельникова ничего не получили и уехали на место работы, заняв у одного своего казака, имеющего работу.

Бадьма Ванькин.

В редакцию журнала „В. К.“

Не откажите в любезности поместить в журнале отчет о пожертвованиях в пользу казака Владимира П. Лысенко на покупку протеза. От Сафонова 10 фр., Кудинова 10 фр., Евтухова 10 ф., Д. Маховицкого 10 фр., Затенко 5 фр., Ф. Коваленко 5 фр., И. Подпорина 10 фр., И. Скобелина 10 фр., из Лиона через г. Сотникова 40 фр., от Заокеанской ст-цы (Филадельфия) 100 фр. Всего 210 фр.

Деньги эти переданы казаку В. Лысенко.

От имени В. П. Лысенко и своего приношу всем откликнувшимся сердечную благодарность.

Примите уверение в искренней преданности.

Кубанец **А. Огиенко.**

Жизнь кубанской имени кошевого Атамана Сидора Белого станицы в Белграде.

В воскресенье 3 мая состоялся очередной сбор кубанской станицы в Белграде. Сбор прошел очень оживленно, на нем присутствовало свыше 60 казаков станицы. Главными вопросами, выдвинутыми Правлением в повестку дня, было изменение устава кассы взаимопомощи и установление дня станичного праздника. Первый вопрос вызвал горячие прения по пункту устава, касающемуся выдачи ссуд. Согласно уставу Правление имеет право выдавать ссуду под поручительство двух членов кассы только в том случае, если размер ссуды не превышает размера вкладов поручителей. После долгих и оживленных обсуждений, сбор постановил предоставить Правлению право выдавать ссуды по своему усмотрению и на свою ответственность, независимо от величины вкладов.

По второму вопросу — днем станичного праздника был установлен первый день св. Троицы, т. е. в текущем году — 31 мая.

На сборе был так же организован станичный хор, управление которым любезно взял на себя казак станицы, известный кубанский бандурист, А. П. Черный.

Сбор окончился поздно вечером, после обсуждения целого ряда мелких текущих дел.

(Соб. кор).

Правление Кубанской имени Кошевого атамана Сидора Белого станицы в Белграде. Слева направо: Станичный писарь Г. Д. Шелест; помощник атамана М. С. Черный; атаман станицы П. И. Курганский; член приемочной комиссии А. Н. Мороз; член учетной комиссии Л. В. Зверев. (Снимок произведен кубанским фотографом Н. В. Найдой).

В Казакии.

Письма оттуда.

Письмо с Дона от изгнанных с Кубани.

Пущено 24 марта 1931 г.

Первым долгом своего письма хочу сообщить, что мы в настоящее время находимся живы и здоровы, чего и тебе желаем, а нам всего лучшего на новом месте, на хуторе... Донской области. Нас здесь целый поселок 150 дворов. Нашей фамилии здесь много, только родни самой ближней нет. Описать всего нельзя, очень много бумаги надо, а получим от вас письмо, опишем все во втором. Сейчас нам стало жить легко, — никто не стучит по ночам в двери... А еще у нас новости, — сын К. залился на сухопутьи (не кровью ли от чекистских пуль? Ред.).

Ваши родители.

Письмо из Сальских степей.

Здравствуйте, многоуважаемый папаша. Сообщаю вам, что мы пока живы и здоровы, хотя и не так то здоровы, но все-таки еще дышим...

Папа, мы уже распростились со своей станицей и сейчас живем не в родном Краю. Вывезли нас... февраля 1931 г. и привезли нас в Сальский округ и поселили в землянке. Взяли мы с собою три мешка муки, — только и всего. Здесь холод не такой, как на Кубани, а лучше, а у нас на пять человек — 1 сапоги и 1 шинель. Не знаю, как придется жить дальше, наверное придется замирать, потому что здесь нам уж не придется видеть посеянную ниву свою, осталось все на Кубани. Куда пойдешь, кому чего скажешь? Уж я, папа, держался, держался, не падал духом, а теперь падаю. Нет никакого дела, сидим да последнее доедаем. Где же здесь не тосковать, как заставляют? Вывезли нас не одних, а всего 90 семей...

... А тетя Е. неизвестно, куда делась, как в воду упала...

Выписка из письма донского калмыка.

Дорогой брат Х! Шлем тебе с семьей наш горячий привет и добрые „му бянядн“.[1]) Письма на имя родителей в У. не пиши, так как мы в ней не живем, а ввиду нашего бедствия находимся на заработках в хуторах. Живем на хуторе имени „Икэ-Зовлонг“.[2]) Отец наш находится на зароботках, уехал и уже второй год живет в ст. „Суна“.[3]) Прими привет от сестры „Бичя Хярджир“.[4]) У нас есть новорожденный сын, звать его — „Евулчкад бяня“[5]) и он растет в ожидании своего брата из заграницы „Зовлонг“. На имя брата К. письма не пиши — он стал неграмотным[6]). Дорогие братья, пишите письма по нижеследующему адресу (указан точный адрес), пришлите нам семейную фотографию. Ваш брат Л.[7])

[1]) Плохо живем.

[2]) Великое Страдание.

Что делают оккупанты с казаками.

О том, как и что делают большевики с казаками, можно составить себе некоторое представление по Ростовскому „М.“ от 12 сего мая, где „по линии партийного строительства“ помещены четыре статьи „по казачьему вопросу“. Помещаем их ниже целиком:

„Важнейшая политическая задача“.

„Всемерное закрепление достигнутых успехов и дальнейшее широкое вовлечение бедняцко-середняцких масс казачества в социалистическое переустройство народного хозяйства, и особенно сельского, было и остается важнейшей политической задачей всей северо-кавказской парторганизации“.

Это особенно четко подчеркнул Краевой комитет партии в своих директивах о работе среди казачества (27-IV-30 г.), указывая, что „задача парторганизации не толкать бедняцко-середняцкие массы казачества на путь замыкания в свою скорлупу, не изолировать их, а все больше и больше приближаться и сплачивать вокруг партии и советов, и лишь при этом условии мы обеспечим уничтожение остатков сословной розни, социалистическую переделку северо-кавказской деревни и ликвидацию кулачества, как класса“.

[3]) Сидит. Сидит в тюрьме.

[4]) Не приезжай домой.

[5]) Отправляют, т. е. ссылают.

[6]) Этот брат — хорошо грамотный человек. Получатель этого письма предполагает, если брат стал неграмотным, то он или выслан на каторжные работы или его совсем нет в живых.

[7]) Письмо это, написанное 30 марта сего года, замечательно своим способом об'яснить ужасное положение калмыков. Когда автор письма пишет, что шлет горячий привет и добрые „му бянядн“, то понятно, что „плохо живем“ никак не пошлешь. Также понятно, почему хутор именуется „Великое Страдание“.

Ред.

За истекший год краевая парторганизация добилась крупнейших успехов в реализации этих директив. Несмотря на все попытки классового врага использовать старую сословную рознь, разжечь ее, чтобы использовать сословную вражду для усиления борьбы против социалистического переустройства сельского хозяйства, против мероприятий партии и советской власти, бедняк и середняк — казак бесповоротно пошел по пути колхозного строительства, выступая против кулака.

Однако, в ряде случев парторганизации не сумели обеспечить полного выполнения директив Крайкома о работе среди казачьего населения, не сумели разоблачить контр-революционные маневры кулака, разжигающего сословную рознь, решительно пресечь оппортунистическую недооценку политического значения работы среди казачества. Об этом говорят факты, изложенные в корреспонденциях из Дубовского, Лабинского, Кореновского и других районов с преобладающим казачьим населением.

Надо также отметить, что во многих парторганизациях неудовлетворительно поставлена вербовка лучшей части ударников-колхозников казаков, проверенных на общественной работе, в партию и комсомол. По 52 учтенным райорганизациям, где преобладает казачье население, на 1 апреля казаки-коммунисты к общему числу коммунистов составляли 8,6 проц., против 6,9 проц. на 1 января 1931 года. Особенно слабо вовлекаются в советскую общественную работу, в ряды партии женщины-казачки.

Ведя непримиримую борьбу с кулаком и его оппортунистической агентурой, парторганизации края должны обеспечить немедленный, решительный перелом в выполнении директив Крайкома о работе среди трудящегося казачьего населения.

„Недооценка работы среди казачества выгодна только кулаку".

В условиях Дубовского района, где преобладает казачье население, требуется исключительно четкое проведение в жизнь директив Крайкома о работе среди казачества.

Нужно отметить, что нередко явно право-оппортунистическая практика и „левацкие" настроения в работе некоторых районных и сельских организаций, недооценивающих важность работы среди казачества, приводят к тому что казаки-колхозники далеко не в полной мере могут проявить свою активность в практической работе по социалистическому строительству. Взять, хотя бы для примера, в первую очередь участие бедняцкой и середняцкой массы казачества в работе советов района.

В составе райисполкома из общего числа 39 членов райисполкома, казаков всего лишь — 5. В составе сельсоветов — из общего числа членов сельсоветов — 200 чел., казаков — 64 чел., а членов президиумов сельсоветов всего — 9 чел. или 21 проц. из общего состава.

Недопустимо слабо обстоит также вопрос и по части выдвижения казаков-колхозников на практическую руководящую работу по линии советов. В течение 1930 года по району на руководящую районную советскую работу выдвинут только — 1, а на сельскую работу — 2 работника из казаков.

Еще хуже обстоит дело с вовлечением казацкой части населения в дело руководства колхозным строительством. В руководящих органах колхозов председателей и членов правлений колхозов из казаков имеется всего 25 проц. из общего состава, в то время, когда подавляющая масса колхозников состоит из казаков.

Положение становится совершенно нетерпимым, если принять во внимание, что на руководящей советской и колхозной работе нет почти ни одной женщины-казачки.

Крупнейшее общественно-политическое значение имеет в настоящее время массово-политическое воспитание и вовлечение в хозяйственную и культурную работу подрастающей казачьей молодежи, но и здесь тоже дело обстоит далеко неблагополучно. Одной из основных форм политического воспитания молодежи является комсомольская организация, но вовлечение казачьей молодежи в комсомол проходит далеко недостаточно. По району, в течение 30 года, всего принято в комсомол — 524 юноши и девушки, из них — казачьей молодежи — всего 212 чел., в том числе — 70 девушек-казачек.

Не так давно в комсомольской организации даже существовало такое настроение, что к приему в комсомол казацкой молодежи относились с большим предубеждением. В настоящее время такие настроения в значительной мере изжиты, но темп вовлечения казачьей молодежи в комсомол остается все же неудовлетворительным.

Рост районной парторганизации за счет вербовки в ряды партии лучшей части, проверенной на общественной работе, колхозников-ударников, казаков проходит крайне неудовлетворительно, о чем также яснее всего говорят цифры. Общий процент казаков в составе организаций составляет — 20, женщин-казачек, примерно — 5.

За последний квартал прошлого года и первый квартал текущего 31 года — по району принято в партию всего 77 чел., а среди них казаков всего-на-всего — 7 челов. Видно, что районная партийная организация совершенно недостаточно занималась вербовкой в партию лучшей части колхозного казачества.

На примере этих фактов нужно признать, что одна из важнейших директив Крайкома — об усилении массовой общественно-политической работы среди казачества по Дубовскому району проводится крайне неудовлетворительно. Местные районные и сельские организации недооценивают крупнейшую политическую важность этого решения партии, а также в громадных размерах возросшую активность колхозного казачества. Например, в Андреевском сельсовете партячейка, сельсовет и другие общественные организации серьезно занялись задачей мобилизации активности трудящихся масс казачества. В результате, из общего числа 60 чел. актива — 50 чел. казаков и казачек, которые энергично участвуют во всей текущей работе сельсовета.

Руководящие районные организации должны решительно искоренить недооценку работы среди трудящихся казачьих масс. Все активные силы казаков-колхозников должны быть привлечены для работы по выполнению величайших задач, поставленных партией и советской властью, для дальнейшей решительной борьбы с кулачеством, ликвидируемым, как класс, на основе сплошной коллективизации. **Вл. Радзин.**

„Славянский райком „проглядел" работу с молодыми казаками".

В своих решениях шестая краевая конференция комсомола обязала все деревенские парторганизации уделить особое внимание работе с казачьей молодежью. Ряд районов нашего края имеет в своем составе преимущественно казачье население. Краевая конференция обязала все деревенские районные организации усилить вербовку в комсомол лучшей части казачьей колхозной молодежи.

Прошло четыре месяца, а до сего времени в районах не сломлена недооценка, пренебрежительное отношение к работе с казачьей молодежью.

В результате отсутствия массовой полит-просветительной работы среди казачьей молодежи — недопустимо медленные темпы роста комсомола.

Три тысячи человек казачьей молодежи в станице Ивановской, Славянского района, а в комсомоле — 50 чел. Из 966 ч. казачьей молодежи в станице Медведовской, Тимашевского района, в комсомоле — 100 челов. В станице Костромской, Лабинского района, из 622 ч. казачьей молодежи в комсомоле.. 37 чел. Это несмотря на то, что в этих районах в основном завершена сплошная коллективизация, несмотря на все возрастающую производительную и политическую активность казачьей колхозной молодежи.

Решение краевой конференции многими райорганизациями не выполнено. Необходимо сломить оппортунистическую недооценку работы среди казачьей молодежи. Казачья колхозная молодежь должна быть широ-

ко вовлечена в ударное движение, соцсоревнование. Комсомольские ячейки, перестраиваясь лицом к бригаде, участку, перенося сюда центр тяжести комсомольской работы — обязаны развернуть вербовку лучшей части казачьей колхозной молодежи в комсомол. Д.

„Лучших kазqkов-колхозниkов — k руководству".

Попытки кулачества разжиганием сословного антагонизма сорвать успех колхозного строительства и выполнение плана хозяйственно-политических кампаний потерпели крах. Масса бедняков и середняков-казаков поддержала попыту партии и советской власти, направленную к ликвидации класса кулаков на базе сплошной коллективизации и, вступая в колхозы вместе с остальным трудящимся крестьянством, активно участвует в социалистическом строительстве.

Однако, со стороны некоторых коммунистов и ячеек Кореновского района еще до сих пор не изжита недооценка работы с казачеством. Отдельные ячейки в районе слабо вели борьбу с контр-революционной агитацией кулачества о якобы „расказачивании".

Многие партячейки района решения Крайкома партии о работе с казачеством не прорабатывали. Однако, все же в этой области есть достижения. В составе членов советов повысился процент казаков — до 63·3 проц., в президиумах советов до 54·4 проц. Но райком партии признал все же крайне незначительным количество казаков в составе предколхозов (25 проц.), членов правлений колхозов — (25 проц.), председателей (14 проц.), и полное их отсутствие в составе председьПО. Особенно слабо проводится выдвижение на руководящие работы женщин-казачек.

Слабо также проводилась работа и в области подготовки кадров, из среды казачества. Из 59 чел. посланных обществом потребителей в средние и высшие школы, казаков было только — 12 чел. или 20 процентов.

Крайне недстаточно проходит рост организации за счет казачества. Коммунисты-казаки в рядах парторганизации составляют — 8·8 проц. и комсомольцы — 13 процентов. И только за последние 1—2 месяца имеются некоторые сдвиги в этой работе.

Райком предложил всем районным и станичным организациям в ближайший же период проработать решение Крайкома партии по вопросу о работе с казачеством и на основе этого наметить конкретные мероприятия, обратив особенное внимание на подготовку руководящих кадров из среды казаков-колхозников. Райком обязал все колхозные ячейки повести самую беспощадную борьбу с недооценкой этой работы и с игнорированием работы с казачеством.

Ведя жесточайшую борьбу с кулачеством и его контр-революционной агитацией, направленной на разжигание сословной вражды, нужно развернуть среди колхозников, трудящихся единоличников широчайшую массовую работу по раз'яснению политики партии в отношении к трудовому казачеству, вскрывая при этом контр-революционную сущность кулацкой клеветы о расказачивании, мобилизуя широкие трудящиеся массы колхозников, особенно казаков — на борьбу с кулачеством и его агентурой.

Я. Б.

Kak большевиkи сеяли этой весной в Казачьих Землях.

Для характеристики того, как оккупанты „хозяйничают" в Казачьих Краях, помещаем ниже передовую из Ростовской газеты „Молот" от 28 апреля под заголовком-„приказом": „Завершим ударно колхозный сев":

Нынешние темпы сева в крае ни в какой мере не обеспечивают успешное завершение сева в уплотненные сроки. В своем обращении „ко всем колхозникам, рабочим совхозов и МТС, беднякам и середнякам-единоличникам" Крайком партии, Крайисполком, Крайсовпроф и Крайколхозсоюз требовали довести количество засеянной площади в пятидневку до 1 миллиона 500 тыс. га. Однако, сводка пятидневки с 20-го по 25 апреля дала 740 тыс. га, т. е. менее половины этого задания. Дальше такое положение совершенно нетерпимо.

Ни единого часу, ни единой минуты нельзя потерять в этот решающий для посевной кампании момент. Вот почему малейшие проявления оппортунистического благодушия, надежды на самотек, разгильдяйства, обломовщины, чиновничьего самодовольства, очковтирательства, дезорганизации — должны быть встречены в штыки, должны быть сокрушены со всей большевистской непримиримостью.

Об'явленный Крайкомом партии с 30-го апреля ударный посевной десятидневник должен превратиться в подлинно массовый краевой десятидневник действительного „завершения сева колосовых по всему краю и в основном завершения сева пропашных и технических культур, особенно в южных районах края".

Эта боевая задача обязывает все партийные, советские, профсоюзные, комсомольские, колхозно-кооперативные и др. организации, всех колхозников, всех рабочих совхозов и МТС, всех бедняков и середняков-единоличников, напрячь все усилия, мобилизовать все творческие способности для того, чтобы колхозный край с честью вышел в течение ближайших десяти дней победителем посевного фронта.

В нашем крае уже имеется много колхозов, перевыполнивших свои посевные планы благодаря правильной организации труда, переходу на прямую сдельщину, оцененной в трудоднях, рациональной расстановки сил, полного использования тягла, тракторов, широкого применения социалистического соревнования и ударничества. В нашем крае по ряду колхозов развернулось мощное движение по встречному повышению норм выработки, движение, показывающее производственный под'ем, возросшую политическую активность и сознательность колхозников, прочной опоры рабочего класса, понимание колхозным активом всей той ответственности, которую возлагает на них задача быстрейшего завершения посевной, задача, разрешимая только максимальными количественными и качественными показателями в работе каждого участника сева.

Начиная ударный десятидневник, нужно прежде всего добиться ударных норм выработки, возглавить борьбу передовых колхозников за установление встречных повышенных норм выработки во всех колхозах, во всех районах края. Со всей решительностью нужно разоблачить и сломить оппортунистическое сопротивление ударным темпам работы на полях. В публикуемом постановлении краевой комитет партии особенно остро мобилизует внимание против тех извращений, которые еще имеют место в вопросах сдельщины: „По-прежнему переход на сдельщину носит формальный характер (отсутствие точной расценки в трудоднях, отдельных производственных заданий, уравнительность внутри бригады и группы). Необходимо провести в бригадах проверку фактического осуществления сдельщины на месте и организовать проверку выполнения заданий в натуре, практикуя при неудовлетворительной работе снижение трудодней, причитающихся за выполненную работу, а отдельным бригадам, показавшим хорошее качество работы, увеличение трудодней в качестве премий".

Именно в этот решающий, ударный десятидневник должны показать большевики Сев. Кавказа образцы организованной, слаженной работы, образцы железной пролетарской дисциплины, образцы того, как нужно вести за собой массы на завоевание полной победы колхозной весны, преодолевая все трудности, все преграды.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казаки!
Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930. Tiskem knihtiskáře A. Fišera. Praha-Strašnie č. 289.